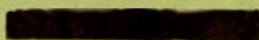

ФУ
У Т СИ Т
■ ■

ЖЗ
И И
■ ■

Владимир Гольцшмидт

Послания Владимира жизни
с пути к истине

Salamandra P.V.V.

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

I

Salamandra P.V.V.

ФУТУРИСТ ЖИЗНИ

ВЛАДИ-МІР

Гольцшмидт

Послання Владимира жизни
С ПУТИ К ИСТИНЕ.

Изданіе первое
1919 г.
Камчатка
Петропавловск
Обл. Типогр.

Футурист жизни рус. 10г.
Владимир Гольцшмидт

Владимир Тольцшмидт

Послания Владимира жизни
с пути к истине

Salamandra P.V.V.

Гольцшмидт В.Р.

Послания Владимира жизни с пути к истине. Сост., предисл. и комм. Н. Андерсон. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2010. – 85 с., илл. – PDF.

Книга является первым современным изданием произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса.

Основатель московского «Кафе поэтов» и создатель памятника самому себе, авантюрист и йог, ломавший о собственную голову доски во время выступлений, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

В данном издании полностью воспроизводится единственная и редчайшая книга стихов и манифестов Гольцшмидта «Послания Владимира жизни с пути к истине», изданная на Камчатке в 1919 году, а также публикуется свод мемуаров и критических статей об этом недооцененном деятеле русского авангарда.

© N. Anderson, предисловие, комментарии, 2010

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2010

АВАНГАРД КАК ТЕЛО И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ: СЛУЧАЙ ГОЛЬЦШМИДТА

Трагикомическая и легендарная фигура «футуриста жизни» Владимира Робертовича Гольцшмидта (1891?-1957) стоит особняком в русском футуристическом движении.

Составители репрезентативной антологии «Поэзия русского футуризма» аттестуют эту фигуру «весьма одиозной даже среди футуристов».

«Примазавшийся к футуризму» – выносит решительный вердикт С. Спасский. Прочие футуристы окружают Гольцшмидта заговором молчания. В мемуарах Д. Бурлюка или А. Крученых о нем не найти никаких сведений, вскользь упомянут Гольцшмидт в одном письме Маяковского, и только В. Каменский тепло отзывается о своем друге и сподвижнике.

Критики и недоброжелатели изображают «футуриста жизни» шарлатаном от искусства, заведомым проходимцем и нечистым на руку альфонсом.

В воспоминаниях современников с Гольцшмидтом неизменно связываются анекдотические истории. Из книги в книгу кочуют рассказы о его атлетическом телосложении, золотой пудре, шелковых рубашках с вырезом и манере ломать о голову доски на публичных лекциях.

«Дух экстравагантности», «смесь преувеличенности, фантастичности, страстности и наивности»: все свойства кэмп, по С. Зонтаг, безусловно были присущи Гольцшмидту. Он был совершенным воплощением футуристического кэмп, и за одно только это мы должны быть ему благодарны.

Но кэмп, предупреждает Зонтаг, «отнюдь не обязательно значит плохое искусство, а некоторые произведения искусства, которые можно рассматривать как кэмп ... достойны самого глубокого восхищения и изучения».

Может показаться, что к Гольцшмидту все это никак не относится. Его принято считать маргинальным авангардным

графоманом – «второстепенным, но колоритным персонажем» будетлянского зоопарка, как писал еще В. Марков в «Истории русского футуризма».

Однако и вне зоны кэмповской чувствительности творческая работа «футуриста жизни» достойна непредвзятого рассмотрения.

Его заслуги в пропаганде футуризма в провинции и становлении футуристической эстрады не подлежат сомнению, а художественная деятельность заставляет задуматься об истинном месте Гольцшмидта в истории русского авангарда начала XX века.

Основатель московского «Кафе поэтов», он был одним из самых активных футуристических лекторов, во второй половине 1910-х гг. объездил с гастролями Крым и Кавказ, Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток и Китай и даже в Японии ухитрился напечатать апологию русского футуризма.

С другой стороны, дошедшие до нас сочинения «футуриста жизни» никак не отличаются выдающимися литературными достоинствами. Немногочисленные тексты Гольцшмидта нелепы, претенциозны и местами откровенно смешны (хотя не более, чем у многих других футуристов). Лучшие из них полны заимствованиями из В. Каменского, товарища Гольцшмидта по ряду лекционных турне.

Вправе ли мы считать, что вопрос о Гольцшмидте тем самым исчерпан?

Ничуть. Критерии исторической оценки деятельности Гольцшмидта как художника в принципе несводимы к качеству текстов. Его искусство внетекстуально.

Литературу, живопись, театр, музыку Гольцшмидт считал второстепенными явлениями по сравнению с высочайшим родом искусства – жизнетворчеством. «Быть поэтом на бумаге, гораздо легче чем в жизни, в отношении к окружающему миру. Яркость красок на полотне гораздо дешевле, чем в личной жизни человека» – утверждал он в своем единственном сборнике «Послания Владимира жизни с пути к истине», изданном на Камчатке в 1919 г.

Бытие художника воспринималось им как тотальный творческий акт, материалом которого служило собственное

тело артиста в последовательном воплощении футуристической телесности.

К дичку этой новой телесности Гольцшмидт привил маскулинную, витальную телесность цирка и чемпионата французской борьбы. К футуризму он шел не от литературы или живописи, а от натуразма, йоги, силовых номеров балаганов и атлетизма гимнастических залов.

Его предшественниками были не М. Ларионов, И. Зданевич или Н. Гончарова с вялыми узорами на лицах, а борцы с рельефными бицепсами на арене и фотографических открытках и художник-атлет И. Мясоедов с греческими кудрями и татуированными веками, написавший «Манифест о наготы».

Конкретными художественными произведениями на «пути к истине» преобразования мира для Гольцшмидта становились трансгрессивные действия испытаний тела во взаимоотношениях с ситуацией и аудиторией – демонстрации телесной красоты и возможностей тела, натурастские акции, тело как «памятник самому себе» в блистательном перформансе 1918 г.

Это не обмолвка, ибо в случае Гольцшмидта мы видим все составляющие современного *performance art*.

Гольцшмидт, единственный из футуристов, дал образцы подлинного перформанса и истинного жизнетворчества. В остальном – не будем путать манифесты, стихи и картины с реальностью и выдавать желаемое за действительное.

Желтые кофты и деревянные ложки в петлицах, сценические жесты (опивки чая А. Крученых, обценная жестикуляция «Поэмы конца» В. Гнедова) и раскрашенные щеки кубофутуристов и лучистов были лишь обычными богемно-девиантными модернистскими стратегиями с отчетливой интенцией рекламного эпатажа.

В жизнестроении, за исключением отдельных и часто близких к клиническим примеров, футуризм также не пошел дальше громких манифестов и скромной «театрализации», взятой напрокат у Н. Евреинова.

Только у Гольцшмидта видим концептуально осознанный перформанс, замешанный на телесной трансгрессии.

Забытый «футурист жизни» на десятки лет опередил не только соратников, но и акционистов Вены, художников «Флукуса» и самозваную «бабушку перформанса» М. Абрамович.

И только для Гольцшмидта «высшей формой искусства являлось прямое творчество жизни, проявляющееся буквально во всем, начиная от физической тренировки тела и кончая своеобразной концепцией художественного произведения, реализующего не в традиционных предметных формах, а в непосредственных жизненных действиях, ощущениях и психических переживаниях» (Е. Бобринская, «Футуризм»).

Только Гольцшмидт выдвинул продуманную и открытую для всех программу футуристического творчества жизни и социума через строительство футуристической телесности как тотального творческого акта.

«Jeder Mensch ein Künstler», как говорил много позднее Йозеф Бойс.

Наталья Андерсон

Послания Владимира жизни С ПУТИ К ИСТИНЕ

Пусть алоновые лепестки сердца вашего раскроются для восприятия СВЕТА ИСТИНЫ – дающей всему миру созерцательный покой, силу и веру в вечность существования.

Пусть мятежно-трепетное сердце забьется новыми возможностями творческих откровений.

ПОЙМИТЕ ВСЕ ЧУТКО, ЧТО МИРОВЫМ СТРАДАНИЕМ, НАШ ВЕК ОТКРЫЛ ВЕЛИЧАЙШИЯ СОКРОВИЩА, ХРАНИВШИЕСЯ В ТАЙНИКАХ НАШЕГО СЕРДЦА. ЭТИ СОКРОВИЩА: СВЯТОЙ АЛТАРЬ САМОПОЗНАНИЯ БЕЗДОННЫХ ГЛУБИН НАШЕГО БЫТИЯ. СВЯТОЕ-СВЯТЫХ, ВОЛЬНОДУМНОТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТ ПОШЛО-МЕЩАНСКИХ УСЛОВНОСТЕЙ, ЗАКОНОВ БОГАДЕЛЬНИ С БЛЕДНОНЕМОЧНОЙ КРИТИКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕССИРОВКОЙ.

КАК СЛЕДСТВИЕ МИРОВОГО СТРАДАНИЯ ОТКРЫЛСЯ ВУЛКАН БЬЮЩАГОСЯ СЕРДЦА И НАЧАЛ ВЗРЫВАТЬ ПЛЕСНЬ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ. И В БУРНОМ СТИХИЙНОМ ГОРЕНИИ СОЗИДАТЬ НОВУЮ САМОЦЕННУЮ ЖИЗНЬ.

Моя мираоснова

Мое Миропонимание.

Довольно славить хилых гимны
И песни улицы больной
С солнцелучом должны идти мы
Под мудротканной пеленой.

С восходом солнца утروствально
Спешите в росные луга
Умыться радостью кристально
И примирить с собой врага.

Тоски людей совсем не знаю
И знать тоски я не хочу
Я утро радостно встречаю
Живу по новому лучу.

Что ваша критика скуленье
Ведь я не общества магнат
Кругом весь мир мое именье
Я мудровольностью богат.

Гранитен я чеканен жизнью
Крещен и солнцем я лучон
И посвящен в миры иные
И каждый мир в меня влюблен.

И вот друзья кому так ценно
Познать иным себя сейчас
Я заявляю всем вселенно
Ваш мир зависит лишь от вас.

Ни философия ни книги
Покоя в жизни не дадут
Пора-же сбросить всем вериги
Мещанских жалких пут.

Лишь ветер вольный волны моря
Стихию сердца создадут
И обыденщину общественного горя
На лаву солнца перельют.

И мой призыв – призыв спокойный
Я не бунтарь, я не зову
Лишь песни радости раздольной
Я предлагаю как канву.

И пусть в руках в руках эстэта
Зальются яркие шелка
И будет жизнь бриллиантами воспета
И радость врежется в века.

И будет новая новиться
Из новых новей новизна
Кругом все яркое весниться
И развесенится весна.

Шумы города – самолеты, поезда экспрессы, корабли – города, рокот моторов и мировая культурно-усовершенствованная бойня с адским гулом орудий и пулеметным треском, все это глушит тихий напев мировой гармонии в бесконечном. Но закрой на мгновение глаза – забудь все шумы города с его базарно-торгашеской суетой углубись в себя и сердце твое весенне согреется и начнет петь песни лазоревые, читать стихи бирюзовые. Ты не бойся их, это не сон и не монастырь с шантанным мироощущением, это истинный отдых необходимый для настоящего человека этого дня.

Наш век – век универсализма и надо совместить в себе все возможности творческих достижений. И в высшей культурно-изысканной обстановочной жизни, создать наивысшее духовно-художественное развитие и интуитивную чуткость.

Напрасны бездарные нападки вашего общества на отдельные личности, за броски в исканиях и творческом созидании многогранной жизни. Современный истинно-культурный человек, если будет правдивым перед собой, то заметит всегда – неудержимое желание, познать всеглубинно окружающую его жизнь.

Это первое право человека перед миром – это жизненная потребность видеть и сознать все кругом живущее.

И если без лицемерия и фарисейства человек пойдет в мир новым, с твердой верой в свои универсальные достижения то паутина мещанской богадельни раздернется и он увидит себя безграничным творцом – создателем, для которого нет предела в творческих достижениях. Ибо уничтожив в себе вековое наследие

порабощенной мысли, человек осознает, безграничное беспредельное божественное начало.

Кто вам сказал, что вы не можете быть гениальнейшим мировым поэтом, перед которым, поэзия рано ушедшего Пушкина и буцующаго теперь ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКАГО, померкнет и вся их звучность и сила напевов завянет осенней листвою.

Почему плохо верите в создания живописи яркоцветистее умершего Айвазовскаго и трепетно расцветающего в наши дни художника НИКОЛАЯ ГУЩИНА.

Каким кощунством покажется вам ваша мысль, когда в своих творческих достижениях истины, вы хотите углубиться дальше Христа, Льва Толстого.

И так во всем, во всех исканиях и достижениях, человек боится поверить в то что его доброе сердце и здоровая мысль беспредельны в создании новаго и совмещают в себе не только наш мир, но и все мироздание. В сердце каждого человека есть университет всего мира. Лишь не у всех открыт этот университет, у немногих происходят в нем занятия. У большинства-же там царит разлагающее безделие, грязь и трусливая пошлость. Большинство живет в тупоумно-бездарном ожидании, что вот-вот кто-то придет и займется культурной очисткой. Но подумаете ясно и просто, кому нужна чужая грязь и пошлость, когда у каждого богатства в этом велико. Не ждите принудительных приказов о чистоте и красоте жизни. Скорее сами начинайте заботу о своем сердце, мудротканном святоче всех жизненных знаний избавляйте его от трусливой пошлости рабства и духовной нищеты.

Если вы будете смотреть на ваших учителей пророков истины, творцов искусства самоценной формы, как на неприступную вершину горы – то и понятно следствие не достижений – их достижений.

Но вы забыли, что наш век изобрел аэроплан. На нем умеющий и смелый человек может взлетно опуститься на гору неприступности и там вдали от суеты больных, измученных людей – вгранить гордое знамя своего «Я» которое взавьется титаническим феерверком еще выше и нехотя снизит в обнищавший мир.

Есть еще другой аэроплан – аэроплан освобожденной смелой мысли, аэроплан бурных, созидательных желаний.

И я хочу – я могу и я должен превзойти моих учителей, в исканиях и творческих достижениях. Ибо я иду за ними и все созданное до меня, дает мне знания силу, для творчества.

В этом и есть ценность, красота интерес и разумный смысл, нашей земной жизни.

НИНОЧКЕ голубой любящей васильки и тюльпаны пишу эти строки. Когда нибудь, поймешь меня и с истинной любовью вспомнишь.

Я рыцарь прежних дней
Поэт, художник, авиатор,
Впрягаю жизненных коней,
Я телом гладиатор.

И я для дня мудрец,
Артист, писатель, лектор,
Я врач, столяр, кузнец,
Театра я директор.

Сам же простой такой,
Земли хозяин пахарь,
Ковбоец и герой,
Изысканный я знахарь.

И странник странных стран
Куда иду не знаю
Несу Евангелье – Коран
Путь к истине познаю.

ТРИ СОВЕТА – Владимира жизни, разочаровавшимся, уставшим не нашедшим интереса и смысла жизни. Жаждающим ухода, лично желающим покончить порывно свою бледную жизнь.

Все вы слабовольные, безкрасочные в творческой жизни, готовые к уходу в иной мир, выполните честно мой жизненный совет и тогда вы увидите другую сторону жизни, ее переливчатыя грани и загоритесь страстным желанием продолжать жизнь на земле.

1) Оставаясь в той обстановке, в которой живете – ровно три дня и три ночи, не говорите ни с кем ни одного слова и не произносите ни одного звука.

2) На три дня и три ночи, заглушите уши свои, чтоб ни один звук окружающего вас мира, не проникал в ваше сознание.

3) Трое суток пускай глаза ваши будут закрыты и плотно завязаны так чтоб ни один отблеск луча, не мог проникнуть и отразиться.

И вот уже после одного из этого – пустяшного детски-шутливого испытания, жизнь будет представляться иной, более ценной, интересной и смысл жизни, хотя бы временный, можно найти в любом ощущении сознательно лишенным себя на время. Пусть это будет временная бодрость и интерес, а потом опять упадок. У каждого человека таких способов безчисленность, и в минуты временного подъема и интереса, надо стремиться к нахождению истинного смысла жизни, который вам даст неизмеримые силы к вечно-трепетному, желанному бытию, переполненному творческой любовью.

Только тогда человек может уйти от жизни сам – и будет ПРАВ ПЕРЕД СОБОЙ когда он увидит все многогранное мироздание со всех сторон. Но так как, для этого нужны миллиарды жизней, то и понятна та болезненность решения ухода от жизни.

Помню много случаев, когда приходили ко мне молодые девушки и юноши и заявляли о безповоротном решении покончить с собой, ввиду безцельности и не интереса жизни. На мой первый вопрос – видали ли они бушующее море (которое я так люблю) они отвечали: нет, не видели. Взгляните сперва, поставьте за первую цель жизни и быть может это бушующее море откроет вам смысл жизни, если же не море, то еще целый мир невиденного, неосознанного и неиспытанного. Помните милых, слабых друзья, интерес к жизни – смысл, желанное творчество каждый лично должен для себя найти, или создать. Искания иногда бывают очень долги, но в искании тоже жизнь полная бури, трепета и неожиданности.

Тоски людей совсем не знаю
И знать тоски я не хочу
Я утро радостно встречаю
Живу по новому лучу.

Расцветающей принцессе **НАТАШЕ ГУЩИНОЙ**,
чья чуткость так памятна и дорога

Принцесса лазорево-встречная,
Задатель небеснейших тем
Кователю надо венечного
Разсмейся в кустах хризантем.

Движением изысканно остра
Как лань изгибная печали
Ресницы черные вуали
Огонь даете для костра.

Качайся ветвинно изгибная
В опаловых ласках венца
Как грань переливная дивная
Индийского тайна кольца.

О РАДОСТИ ЖИЗНИ.

Сколько споров, сколько научно-насиженных фило-софствований о жизни и всюду разногласие, не пони-мание простоты истины. Каждый человек, часто задает себе вопрос, для чего он пришел на землю – для радо-сти или страдания. В большинстве случаев, под пре-обладающим в данное время переживанием, делается тот или иной вывод. Истина же как везде, во всем и всегда одна, а именно: **ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА НА ЗЕМЛЕ, ВЕЛИЧАЙШАЯ РАДОСТЬ** которой нет равной об этом говорить, писать, доказывать не нужно, все это будет бесполезно. Посмотрите утренним взглядом на окру-жающий величественный мир природы. Пусть легко порхающий мотылек передаст вам взлетную легкость. Пускай весеннее щебетание птички зародит в вас веру в иное существование и простая разцветная цветинка, расскажет вам маленькую сказку о солнечных радостях. Что же после этого, скажет ваше мудрое, вольное сердце. Оно непременно усиленно радостно забьется и узнает истину для чего живет человек. Остается один непримиримый холодный разум, который помимо ра-дости, не может забыть и не видеть страдания. Правда, в наши ярко-красочные пыльно-мрачные дни, рядом с величайшею радостью, живет и мировое страдание. Это не нужное, скучное берущее так много жизненных сил страдание, создано самим человеком. Существует оно как верное следствие – уклонения от истинной разумно-радостной жизни. Как же человеку не чувствовать боли и страдания, когда все лучшие умы общества, все знания и вся сила отдаются для творчества смертоносных орудий, усовершенствованных

способов разрушений и возбуждения ненависти одного общества к другому. Существует величайший мировой закон – закон преступления и наказания. ЗАКОН ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ. Если человечество вершит причину разумную светлую, доброрадостную, то и следствие будет таким же. Если же причина болезненная, злая разрушительная, то и следствие несет одно страдание. Каждый в отдельности не дожидаясь мирового освобождения от страдания, сам должен сбросить его и начать новую разумно-радостную жизнь. Человек освобождается от страдания только самопознанием, когда он лично перестанет создавать причину страдания. Поэтому нет вам никакого дела до страдания других, т.-к. это безцельно глупо и переполнено фарисейством. Да возродится в каждом человеке сознательно, величайшая мировая радость жизни, с расцветающей трепетно любовью.

ПОХОРОНЫ МОЕЙ ЛЮБВИ.

дарю в собственность самой талантливой девушке мира **ЕЛЕНЕ
БУЧИНСКОЙ.**

В тоскливой родине моей,
Где мало радостных небес,
Среди холодных туч камней
Я встретил девушку чудес.

И ей дана святая власть
Жизни – Влади-мира дары
Имеет камень Альджамас
Моей таинственной горы.

И это милое дитя,
Придет и даст покой ночей
И выпьет горечи до дна
Тоскливой родины моей.

А в благодарность за приход
За Альджамас чудо-камней
Отдам я ей священный грот
Горы таинственной моей.

И отдал грот убрал камнями,
Ей фимиамы воскурил,
Дорогу выстлал алыми шелками
И для любимой дверь открыл.

Вошла она с солнцелучами
И отразила блеск в камнях,
Зачаровала дивными речами,
Горела страстью в пламенах.

Я полюбил впервые в жизни,
И отдал все, что мог иметь
И поклялся своей отчизне
Тоску людей с земли стереть.

Служил я ей, как служат Богу,
Ей все богатства отдавал,
И жизнь земли казалось убога
Я в гроте храм ей создавал...

Вдруг ураган... кошмарной сказки
И лезть предателя обман
Напоминая ее ласки
Проснулся я, прошел дурман.

И матери наследье роковое
Открылся яд в ней – паразит
Слезами плачу я от рока воя
Боюсь что солнце заразит.

Свершился рок великой мести
За грязь принесшию в мой грот
К воспетой проклятой невесте
Пришел обманутый народ.

И снова я один с сумою
Остался образ в храме
Так стало больно за мольбою
Ты! воплотилась в хаме.

Почему очень немногие люди стремятся вникнуть в смысл жизни, в ее мудротканые лучистые нити. Знаете ли, почему в чувстве любви, вы болотно вязнете. Знаете ли, что вы не постигли не создали в своем сердце понимание истинной любви – дающей внутренний покой и радость. Большинству из вас знакома примитивная любовь давно-бытного дикаря, неразумно эгоистическая любовь – любовь своего чувства, отдаваемого другому человеку. Когда ваше чувство не принимают вы страдаете, вы стараетесь базарно-торгашески навязать свой товар. Все это, напрасно потраченная жизненная сила, все это не любовь и далеко от истины.

Вы любите под взаимные росписки квитанции, забывая одно существенное, что эти росписки признает только дрессированная поработанная мысль, сердце же ваше не хочет знать никаких квитанций и по выданным вам векселям, платежей не производит. И когда вам говорят о всей яркости истинной светлой свободной любви, вы рахитично понимаете, разнужданность чувств, разврат. А знаете ли вы, что свободные сильные люди, во много раз целомудреннее вас. Знаете ли также что при истинной свободной любви, не надо пошлой лжи и мелких краж, на которые вы так падки. Если вы теряете глубоколюбимого человека, то не надо забиваться мокрым носом в сырой серый угол и бессильно вздыхать о ценной утрате. Надо своим разумным размышлением убедить себя, в истинной любви личности другого, в уважении его интересов и стремлений. Этим создавать в себе силу для искания другого человека, который ответит взаимной любовью и разделит чутко ваше одиночество.

Никто не может быть уверенным, что с потерей самой большой ценности, он не найдет еще большую

т.к. ценности, их величина, относительна и нет им предела. Но рабство критики опять вам мешает. Человек при потере, теряет свой здравый смысл разсуждения, безтолково мечется и тупо жалостно стонет. Лишь только в том случае вы приобретете запас силы, которая необходима в дальнейшем вам и окружающим, когда героически отнесетесь к уходу любимого от вас, поможете ему честно открыто уйти в иную жизнь. Разсуждая как точный математик и практичный коммерсант, станет понятна вся ошибочность навязыванья себя разлюбившему человеку. Помните крепко, что для жизни нужны силы и расходывать непроизводительно их запас – безумие. Все это хорошо осознается умом каждого, но не сердцем. У большинства оно говорит другое и в нем еще рычат дикие страсти. Для того чтоб быть человеком и чтоб все было светло, легко и ясно, нужен перевод мысли, от ума к сердцу, разъясняющей ему о смысле истинной любви.

Когда задают вопрос робко и искренно о том, возможно ли одновременно любить двух людей, то я отвечаю тоже вопросом: можно ли одновременно для двоих делать добро выявлять к ним внимание ласку заботу – оберегать их покой и пр. Любовь же, в широком полном понимании – есть сочетание всех возвышенных чувств передаваемых другим по своему желанию.

СЕРДЦЕ ЭЛЬЗЫ – ЭЛЬЗЫ СЕРДЦЕ.

Сон без сна, - жизнь без луча.

Сердце ноет
Сердце плачет
Сердце хочет говорить,

Говори же сердце смело,
Надо солнце выявить.

Заблестает солнце ярче
Легче будет жить тебе
И забьется сердце новым
В этой песенной весне.

Сердце знает много много
Где мороз и где тепло
Где лучистая дорога
Где кровавое пепло.

Выбирай-же сердце краски
Те которые нужны
Чтобы в вихре дикой пляски
Былиб все застужены.

Пусть тоскует, пусть рыдает
Пусть хохочет – пусть кричит
Сердце в праве, сердце знает
Сердце мудростью лучит.

Но побойся сердце смерти
Сна без снов, сна без ракет
Сна печального, сна молчаливаго
Сна без жизненных монет.

Екатеринбург 25 января 1919 г.

Мой гимн.

Я футурист Влади-мир жизни
Я славлю солнце и любовь
Я знаю мировой отчизне
Нужна сверхсолнечная кровь.

Я футурист Влади-мир песен,
Чудесных песен, земли и трав
И я всегда для всех небесен
И по земному гордо прав.

Довольно книжных вам поэтов,
Я славлю радость во дворцах,
Пускай тропическое лето
Горит в расплавленных сердцах.

Пускай от красок льются песни,
От песен кровь горит экстазом
И от бумажного искусства
Бегите к жизненным проказам.

Что мне поэты Маяковский,
Давид Бурлюк Каменский с Камы,
С своим печатанным приданным
Их жизнетворческие хламы.

Сперва немного верил в песни,
В искусство Ваше жизнь создать
Теперь кричу я Пушкину воскресни
Чтоб вместе всех в одно связать.

Жрецы смотрите в солнце выше,
Любите жизни красоту,
Ведь все вокруг движеньем дышит
И славит гордо простоту.

Но если жизнь создать вам трудно
Смотрите смело мне в глаза,
Не говорите вяло нудно
Когда весь мир и солнце и гроза.

И славьте мудрость жизнебойца
Призыв гореть во имя дня,
Чья гибкость меткаго ковбойца
Любовь чья ярче и сильней огня.

Пускай в парче горю огнями
И в алошелковых цветах
Пришел к вам в мир могуч плечами
Раздать добро во всех местах.

Эй вы – рахитики душой и телом,
Не для того пришел в мир к вам,
Чтобы заняться скучным делом,
Раздать богатства дуракам.

Несколько слов о искусстве и о живой красоте.

Когда люди говорят о искусстве, то как-то хохлятся, хотят стряхнуть с себя временно все пыльное, уродливое грязно-прилипшее. Искусство красота, духовный отдых, глаза загораются, мысль как будто освобождается от многих пут и человек готов к восприятию причастия красоты. Искусство для современного человека наркоз. Среди мрачно-серой, безкрасочной и беззвучной или дико кричащей, корчащей жизни в минуты отдыха, человек ищет забвения и опьяняет себя искусством, т.е. искусственной красотой. Не зря же говорят мои друзья: «счастливым на искусство наплевать», я добавляю, а настоящему человеку даже и плевать не хочется.

Почему такие странные выводы и заключения о искусстве, которое существовало целые века и облагораживало человеческия сердца.

Вывод один, вполне простой и ясный – сильный и бодрый, верный истинный. Если для всех принято за истину понятие о искусстве как стремление к красоте выражаемой или передаваемой при посредстве мертвых предметов то и слова искусственность, искусственная красота – становятся понятным, т.к. мертвые предметы, как бы не были красивы, как бы не говорили о жизни, они все же не имеют движения, а где нет движения там нет жизненной силы. В наши дни при полной переоценке ценностей, при стихийном водвороте новых ощущений, для того чтобы не быть отсталым нужно также изменить понятие о искусстве, т.е. придать ему более жизненный смысл, дать движение и силу и перекинуть в жизнь.

Мой колокол.

Пусть яркие цвета горят в сердцах людей,
Пусть струны сердца радостно играют,
Стихи поэты люди льют
И мудро-вольные мышления расцветают.
Чтоб все красоты мира были в памяти моей
И музыка души играла безпрестанно,
В стихах любовь добро слились на зорях дней
Искусство в жизни так желанно.

От искусства к жизни к совершенствам, к живой красоте. Пускай искусство оживает, пускай искрится в переливных движениях творчески могучаго индивидуализма.

Совсем не трудно в какомнибудь романе создать фантастического героя, он мертв и мало ценен. Дайте его живым, сотворите в своей личности. Быть поэтом на бумаге, гораздо легче чем в жизни, в отношении к окружающему миру. Яркость красок на полотне гораздо дешевле, чем в личной жизни человека, где она переливно оживает и дает различныя движения.

Творите красоту прежде всего в себе и вокруг себя, это гордое право человека. В своей внешности, в окружающей вас обстановке, в своих движениях, в отношениях к близким. Первое время будет большая работа над собой, будете сознательно артистами, позирующими не для публики, а для себя. Пусть вас упрекают в неестественности в позерстве, вы не обращайтесь внимания. Скоро наступает время, когда чувство живой красоты воспринято вами. Вы воспитали живую красоту она сроднилась и живет с вами и из искусственной стала естественной.

Прежде всего будь красив для себя, т.к. себя любишь больше других. Оставаясь один не опускайся, не будь

неряшливым и грязным, не забывай творчество живой красоты. Твое высшее я всегда смотрит со стороны на твою внешнюю и внутреннюю жизнь и в зависимости от нее возвышается или опускается.

Поэты, художники, философы перенесите все ваше творчество в жизнь.

Смех без радости – продажен. Слово без жизни – безценно. Книга без дела – преступна. Слезы без скорби – фарисейство.

*Памятник Владцира жизни поставленный собственно ручно
в г. Москве 12 апреля 1918 г.*

Свой памятник протест условностям мещанства
Себе гранитный ставлю монумент,
Я славлю вольность смелаго скитантства
Не нужен мне признанья документ.

Не буду ждать когда сгнию в могиле
И дети славу будут воспевать,
Ваш тон держать в хорошем стиле
Лишь мертвецов на пьедестал сажать.

Но я мудрец иной покладки
Лишь все живое признаю,
Не жду от общества закладки
При жизни памятник кую.

Стоит он миг, живет веками
Мне все равно, не в этом цель
Сегодня радости о камень
Я разбиваю в карусель.

Когда нибудь, признаете вы также
Что надо славить жизнь в цвету
Ну а пока, глумитесь над Раджей
Вковавшим в век живую красоту.

Часто до противности и надоедания, мне говорят о показной искусственной яркости, о рекламности, этим желая уколоть меня, по мнению большинства подчеркнуть недостаток. При этом забывают важное, что вся хотя бы даже искусственно созданная яркость и рекламность уже вполне оправдали себя перед сегодняшним днем и в защите не нуждаются. Если кто сам не понимает что окружающая наша жизнь оскудела и от ярких взрывов творчески раздольной молодости остались одни предания да легенды. А ведь во всех разумно кричащих, освобожденных от рабства мысли вызовах, живет колючее море жизненной солнечной энергии.

Не понимающие с полслова, пусть не стараются понять – это не для них. Пускай продолжают жалко шамкать фразы негодования критики и доносить в полицейский участок на вредных по их старческому пониманию вольнодумцев. Знаете ли вы критики, что вся созданная яркость и рекламность, чистодетское начало мудрости, яркорадостная карусель своего сердца, которому продуманным сознанием, человек устраивает праздник для отдыха, среди скучных мрачных буден. И все это прежде всего для радостного роста и силы своего я, затем для друзей, а после всего как остатки, для жадной бездарной толпы. Неужели вы думаете что ваши негодования, или поощрения создают славу для сильной личности. Нет – нет и много, много раз нет...

Вы осознаете что сильные личности мало считаются с стадностью, отдельно выявляют себя за счет своего ума и воли, не спрашивая о вкусах большинства. Когда же они это делают или уже сделали, вы шамкаете, что это сделано для того, чтобы создать среди вас славу. Могильная слава тем, кого при жизни признает бездарное общество. Кого же сжигают на предательски медленном огне, общественного непонимания и порицания, им слава расцветных горизонтов.

Что быть с вами искренне, надо спуститься к вам своими интересами, иначе вы не полюбите. Кто не против грязи и пошлости, кому не так дорога своя независимая личность, тот спустится к вам и будет прислуживать. Порицая современное общество, одновременно с этим являюсь создателем нового независимого общества, построенного на принципах своего доброго сердца. Я не уродливое-гадливое пресмыкающееся чтоб ползти прижавшись к земле боясь быть заметным. Пусть все, кто захочет смотрят на меня, я с радостью заявляю о своем существовании. Моя сила в моей обособленности, моя яркость в моем жизненном горении, моя звучность в моих призывах и моя истина в моем покое.

(Моим друзьям родному обществу)

**Пускай в парче горю огнями
И в алошелковых лучах.
Пришел к вам в мир могуч плечами
Раздать добро во всех местах.**

(Бездарной толпе, чужому обществу)

**Эй вы рахитики душой и телом
Не для того пришел в мир к вам
Чтобы заняться скучным делом,
Раздать богатства дуракам.**

Тост Владимиру жизни произнесенный 27 Мая 1919 г.

Приветствую тебя пророк земли и солнца
Приветствую твой новый мир,
Приветствую с небеснаго балконца
Приветствую твой пост и пир.

Пускай твои враги кретины,
Возводят ложь, обман
Пускай зловещия картины
Пробудят к жизни талисман.

Борьба за существование! Так часто современные люди произносят эти слова для оправдания себя, при совершении грубого насилия над другими.

Борьба за существование – это избитая ложно преступная фраза, основанная на недомыслии, или общинном шантаже, которую никто никогда не может оправдать и отстоять перед истиной жизни.

Если допустить и признать теорию, что весь животный мир, существует взаимным уничтожением и если человек несет в себе лишь животное начало, то не будет и споров о борьбе. Пусть борется себе во здоровье раздольное, пусть борьба будет как самосохранение до того времени, когда он наберет себе простое как трава, ясное как солнце, сознание другого начала, построенного на человечности. Разбираясь глубже, для каждого так называемого человека, понятно осознание в себе помимо животного, более изысканного утонченного начала, которое принято называть духовным. Предположу, что духовное начало очень мало еще развито в современном человеке. Но есть еще мыслительно разумное начало, мыслительно эстетическое, и много других начал, благодаря которым человечество отделено резкой гранью от животных. Разумно-культурно-мысленное начало, обеспечивает человеку жизнь на земле, без борьбы за существование, без уничтожения себе подобных. Человек пришел избранником земли и получил от нее все преимущества и богатства. Животные хорошо умеют отличать преобладающее начало в человеке. И дикий зверь без борьбы, покорно подчиняется чуткому, истинно-культурному человеку. Примеров много в житии святых и из жизни гонения христиан.

Также бездарно-глупая и преступно-темная мысль, о переполнении земли. По точной статистике самой природы, если пригодную для культуры землю поде-

лить равномерно то при самом усиленном приросте населения – места на земле хватит еще на многие тысячелетия. Но если принять во внимание ИСТИННУЮ КУЛЬТУРУ жизни, надо предположить что человечество многое создаст для разумного распределения и пользования земли. Поймите же скорее, как проста, ясна, богата и прекрасна настоящая жизнь человека и как абсурдны мещанские базарные мысли, которые вам преподносят как мировые истины. Истина только одна и ее все должны познать одинаково. Я стою около истины, я шлю напевы с пути к ней. Искавши долго, я нашел ее и теперь покоен, уверен, силен и счастлив. Почему же истину все поймут и признают одинаково, потому что настоящая истина, дает каждому бездонную глубину силу, внутренний покой и знание вечного существования.

К познанию истины не надо книг – дрессировки, надо лишь раскрыть алонежные лепестки сердца вашего.

Последняя вера Влади-мира в Миру.

В ночи тумана млечногубой,
В лазури утренней опала
Принцесса синяя пришла
И снята мрачная опала.

Ты Мира мирная в миру.
Ты примирила миром – мира
И Влади-миру во пиру,
Ты отдала полмира.

Ты рождена для славы царственной
И быть принцессою должна.
Получишь скоро жребий дарственный
От Влади-мирова жезла.

**Человечится малая букашка
Громяхают колеса чудовища
С жизнью спориш на распашку
Зачерпнуть мирокровище.**

**Мирокрасная основа с края в край легла,
Златокудрая свобода – пьяна без вина.
Разулыбчато смотреть как люди, нарицаются свободными
Обходя принципы сердца, дорожками обходными.**

Черный агатовый крест с бриллиантами – тяжелый и
красивый крест футуризма...

Мои достижения выявляются в следующем: я, с моими немногими, преданными друзьями, устраиваю новую жизнь настоящего человека, окружая себя изысканной культурной обстановкой и истинной свободой, для райски-земного существования. Местом для постройки нашего храма и дворца – новой жизни, выбрано побережье Черного моря. Там будет у каждого свое святое-святых, убежище не доступное окружающим для загрязнения, где можно созерцать себя, истинно не прикосновенным.

ИЗДАННОЕ В ПЕЧАТИ Владимиром ГОЛЬЦШМИДТ

- 1) Духовное и физическое развитие современного человека (лекция) распродана.
- 2) Искания истинной любви и современный брак (лекция) распродана.
- 3) Послания Влади-мира жизни с пути к истине (здвиги мысли, стихи) поступила в продажу.
- 4) ВЛАДИМИР ЖИЗНИ (роман) готов к печати.

КОММЕНТАРИИ

Текст книги «Послания Владимира жизни с пути к истине» печатается по изданию 1919 г. с исправлением типографских опечаток. В остальном полностью сохранена авторская орфография и пунктуация.

Книга представляет собой сборник небольших манифестов, стихотворений и конспектов лекций, в разное время читавшихся В. Гольцшмидтом.

Футурист жизни Владимир Гольцшмидт – Авторское написание имени и фамилии. В разл. источниках встречаются следующие вариации: Вальдемар, Вольдемар, Хольцшмидт, Гольцшмидт, Гольдшмит. В стих. В. Г. последовательно писал свое имя как «Влади-мир» - аллюзия на *Велимира* Хлебникова.

«Пускай алонежные лепестки...» – Данный манифест, как и др. тексты В.Г., обнаруживает глубокое влияние словотворческих экспериментов В. Каменского и И. Северянина.

Моя мираоснова – Стих. построено на традиционных для футуризма темах отрицания книжной мудрости, любования весной и «солнечностью», частых у В. Каменского мотивах единения с природой, которые у В.Г. приобретают житнетворческий характер. *С солнцелучом* – ср. неологизмы В. Каменского в стих. 1910-х гг.: *солнцегений, солнцепуть, солнцелей* и т.д. *И пусть в руках в руках эстэта / Зальются яркие шелка* – В.Г., как рассказывают мемуаристы, часто носил яркие шелковые рубашки, на лекциях декорировал сцену красочными тканями и коврами.

«Шумы города...» - *Кто вам сказал, что вы не можете быть гениальнейшим мировым поэтом, перед которым, поэзия рано ушедшего Пушкина и бушующего теперь ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКАГО, померкнет* – Намек на подписанный среди

прочих Маяковским манифест из сб. «Пощечина общественному вкусу» (1912) с призывом «Бросить Пушкина <...> с Парохода современности» и одноименную листовку (1913), где В. Хлебников именовался «*гением – великим поэтом современности*» (курсив авт.). *Яркоцветистее Айвазовскаго* – И. Айвазовский (1817-1900) вероятно, импонировал В.Г. как изобразитель морской стихии: В.Г. любил «бушующее море» и, по свидетельству В. Каменского, «плавал акулой» («Жизнь с Маяковским», 1940). **НИКОЛАЯ ГУЩИНА** – Н. Гуцин (1888-1965) – художник, близкий к кругу футуристов, дружил с братьями Бурлюками, В. Каменским, В. Маяковским. В живописи Гуцин сочетал элементы символизма и экспрессионизма. Учился в Моск. училище живописи, ваяния и зодчества. Участник ряда выставок 1911-1917 гг. В 1917-1919 гг. преподавал живопись в Перми, в 1919-1922 гг. жил в Китае, затем во Франции и Монако. В 1947 г. вернулся в СССР, работал реставратором в Радищевском музее Саратова, объединил вокруг себя группу молодых художников. В феврале-марте 1919 г. Гуцин участвовал в совместных выступлениях с В.Г. в Екатеринбурге и Томске, на которых читал футуристические стих. *Но вы забыли, что наш век изобрел аэроплан* и т.д. – Отрывок, насколько можно судить, навеян некоторыми мотивами ряда «аэроплан-ных» стих. В. Каменского.

Н. Гуцин в Каменке, имении В. Каменского

«Ниночке голубой...» («Я рыцарь прежних дней...») – подражание стих. В. Каменского «Моя карьера» из сб. «Звучаль веснеянки» (1918), ср.:

Поэт – мудрец и авиатор
Художник – лектор и мужик
Я весь изысканный оратор
Я весь последний модный шик.

Театра я директор – В. Г. говорит здесь о своей роли одного из создателей, а впоследствии владельца московского «Кафе поэтов» (1917-1918). *Ковбоек* – это определение, как можно предположить, было навеяно В. Г. фреской в «Кафе поэтов» работы В. Ходасевич (1894-1970), кот. рассказывает в мемуарах: «Я молниеносно придумала композицию из трех ковбоев в гигантских сомбреро, трех лошадей, невероятных пальм и кактусов на песчаных холмах. Это располагалось на трех стенах и сводах» («Портреты словами», 1987). *Несу Евангелье – Коран* – отголоски мотивов стих. завсегда «Кафе поэтов» А. Кусикова (1896-1977), кот. видел свои сочинения «новым откровением», основанным одновременно на Евангелии и Коране. Ср. название более позднего сб. Кусикова – «Коевангелиеран» (1920). В «Кафе поэтов» творчество Кусикова пропагандировала Е. Бучинская (см. комм. к стих. «Похороны моей любви»).

Три совета – В этом отрывке из лекции В. Г. предлагает интересный (и опасный) метод медитации на основе сенсорной депривации, научное изучение эффектов кот. началось лишь в 1950-е гг.

Наташе Гуциной – Н. Гуцина – московская студентка-медица, ставшая женой художника Николая Гуцина (ок. 1917); разрыв с женой в эмиграции в нач. 1930-х гг. тяжело переживался художником. *Расцветающей принцессе* – Цит. первая строка стих. В. Каменского «Заячья мистерия», открывавшего сб. «Звучаль веснеянки» (1918): «О вы – расцветающая Принцесса» (в «Кафе поэтов» пользовался успехом актер В. Гайдаров, мелодекламировавший это стих., положенное на музыку А. Архангельским). Данную строку Н. Гуцин использовал в качестве названия одной из картин, показанных им на выставке в Томске в марте 1919 г. *Задатель небеснейших тем / Кователю надо*

вечнаго – ср. у Е. Гуро: «Ветрогон, сумасброд, летатель, / создатель весенних бурь, / мыслей взбудораженных ваятель» («Небесные верблюжата», 1914).

Н. Гущина (1918)

Похороны моей любви – *Елене Бучинской* – Е. Бучинская (1894-1957) – дочь писательницы и поэтессы Н. Тэффи (урожд. Лохвицкой, 1872-1952) от юриста В. Бучинского, племянница поэтессы М. Лохвицкой (1869-1905), футуристическая танцовщица-«босоножка», актриса. Выступала с чтением стихов, иллюстрируя их танцами; эти номера Бучинская называла «словопластикой». В 1917 г. участвовала в совместном турне В. Г. и Каменского, весной того же года выступала с В.Г. в Челябинске, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске и Чите, где читала доклад «Футуристы жизни» и представляла публике футуристическую поэзию в танцах-декламациях. Исполняла «словопластические танцы» в «Кафе поэтов» в Москве. Сохранились воспоминания о ее танце в обнаженном виде на одном из закрытых вечеров. Позднее эмигрировала, жила

в Варшаве. Помимо стих. В. Г., к ней обращены стих. «Покурим что ли» Каменского («Звучаль веснеянки», 1918) с посвящением «Елене Бучинской. Четко талантливо Вы исполняете слово-пластику моих стихов» и «Молитва» А. Кусикова (сб. «Жемчужный коврик», 1920). *Альджамас* – «арабизированное» В.Г. название чудесного камня *адамас*, описанного в «Естественной истории» Плиния (алмаз или, по мнению нек. исследователей, корунд). Упоминание алмаза и темные намеки на «роковое» материнское наследие связывают стих. с Н. Тэффи, обожавшей перстни с драгоценными камнями и воспевавшей эти камни в поэтическом сб. «Семь огней» (1910); есть среди них и *адамас*:

Светит благостный Алмаз,
Свет Христов во тьме библейской,
Чудо Каны Галилейской,
Некрушимый Адамас...
Светоч вечного веселья,
Он смыкает ожерелье!

С темой стих. соотносится уничижительная и, вероятно, известная В.Г. рецензия на «Семь огней», где В. Брюсов писал: «Увы, ожерелье г-жи Тэффи – из камней поддельных».

«Почему очень немногие люди...» - Фрагмент лекции, читавшейся В. Г. во время гастролей 1917-1919 гг. См. ниже в разд. «Владимир Гольцшмидт в мемуарах и критике» отчет о лекции 1919 г. в Перми.

Сердце Эльзы – Эльзы сердце – Название стих., возможно, навеяно легендой о Лоэнгрине и оперой Р. Вагнера «Лоэнгрин»: сердце благородной героини Эльзы разорвалось от горя при разлуке с возлюбленным рыцарем лебедя Лоэнгрином. Напомним, что сестра В.Г. Анна, выступавшая в «Кафе поэтов», была оперной певицей.

Мой гимн – Программное стих. В. Г., в котором он отрекается от прежних соратников по футуризму («Что мне поэты Маяковский, / Давид Бурлюк Каменский с Камы»), кот. по его мнению променяли «искусство жизнь создать» на пустые тексты и вместо

сотворения новой жизни предлагают лишь «жизнетворческие хламы». *Жизнебойца* – неологизм образован в отталкивании от часто встречающегося у В. Каменского неологизма *песнебоец*. *Ковбоец* – см. комм. к стих. «Ниночке голубой...». *Пускай в парче горю огнями / И в алошелковых цветах* – см. комм. к стих. «Моя мираоснова». *Рахитики* – В. Г. мог заимствовать это выражение из статьи-манифеста В. Маяковского «Капля дегтя»: «вы – или неспособные носить оружие рахитики или старые мешки, набитые морщинами и сединами, дело которых думать о наиболее безмятежном переходе в другой мир, а не о судьбах русского искусства» («Взл. Барабан футуристов», 1915).

Несколько слов о искусстве и о живой красоте – еще один программный текст В. Г., наиболее детально отражающий его концепцию «футуризма жизни». Здесь В. Г., как и др. футуристы, опирается на идеи «театрализации жизни» Н. Евреинова (см. его кн. «Театр как таковой», 1912 и «Театр для себя», 1915-17), однако призывает к полному отождествлению жизни и искусства: «Вы воспитали живую красоту она сроднилась и живет с вами и из искусственной стала естественной».

Памятник Владимира жизни поставленный собственноручно в г. Москве 12 апреля 1918 г. – Подробности об этом знаменитом перформансе В. Г. на тему «Eregi monumentum» см. в разд. «Владимир Гольцшмидт в мемуарах и критике». Текст перекликается со стих. В. Каменского «Василий Каменский – Живой Памятник» («Звучаль веснеянки», 1918). *Ваш тон держать в хорошем стиле / Лишь мертвецов на пьедестал сажать* – ср. у Каменского: «Чтить и славить привыкли вы мертвых / Оскорбляя академиями памятниками». *При жизни памятник кую* – ср. у Каменского: «Пора возносить песнебойцев / При жизни на пьедестал». *Раджей* – Г., проповедник йоги, часто читал лекции в темно-бронзовом гриме, благодаря кот. напоминал аудитории индуса.

«Часто до противности и надоедания...» - в данном тексте ощутимо характерное для В.Г. использование мотивов «Also sprach Zarathustra» Ф. Ницше, точнее говоря – расхожего «ницшеанства» 1910-х гг.

Гост Владимиру жизни произнесенный 27 Мая 1919 г. – новый мир ... с небесного балкона – зашифровано название кн. В. Хлебникова и А. Крученых «Мирсконца» (1912) и одноименной пьесы Хлебникова (в сб. последнего «Ряв! Перчатки 1908-1914», 1914). *Пускай твои враги кретины / Возводят ложь, обман* – 20 мая 1919 г. некто De Valois опубликовал в № 97 газ. «Дальний Восток» (Владивосток) статью с неприязненным описанием «поэта-футуриста», в кот. угадывался В.Г.: «На поросшей буйными волосами голове никогда нет шляпы. На ногах дамские чулки, а в левом ухе болтается серьга полторавершковой, по крайней мере, длины и соответствующей, конечно, тяжести».

Последняя вера Влади-мира в Миру - Ты Мира мирная в миру – ср. с названием историософской брошюры В. Хлебникова «Время мера мира» (1916). *Влади-миру во пиру* – в народных песнях и былинах пир князя Владимира является традиционным зачином описания богатырских подвигов.

«Человечится малая букашка...» – *Черный агатовый крест* – В 1918 г. в прессе отмечался «большой черный крест» как принадлежность футуристического костюма В.Г.; видимо, с этим же крестом он изображен на обл. книги, что дает возможность истолковать смысл фотографии как погруженность В. Г. в медитативное созерцание «креста футуризма».

Изданное в печати Владимиром Гольцимидт - Духовное и физическое развитие современного человека – данная кн. была напечатана в Перми в 1914 г. (тип. н-ков Каменского, склад изд. у автора). Точное название: «Духовная жизнь и физическое развитие современного человека. Лекция, прочитанная в 1 раз в г. Омске 27 ноября 1913 г.». *Искания истинной любви и современный брак* – сведения об этом изд. обнаружить не удалось. Лекцию с таким названием В.Г. читал в 1917 г. во время сибирского турне.

Н.А.

ВЛАДИМИР ГОЛЬЦШМИДТ В МЕМУАРАХ И КРИТИКЕ

(Избранные страницы)

Писать стихи на бумаге и писать картины на полотне не есть еще все искусство. Определеннее сказать – есть истинные поэты, есть удивительные художники, которые не пишут ни на бумаге, ни на полотне, а творят искусство из жизни. За последнее время стали появляться поэты – художники жизни, отрицающие бумагу и полотно как средство передачи своих художественных идей. Молодой философ Гольцшмидт, поэт духовной жизни человека, говорит: мои стихи – дни, мои картины – мир вокруг, мое художественное произведение – моя жизнь, жизнь человечества – высшее искусство, мое вдохновение – свобода жизнетворчества.

В. Каменский. <Из статьи>. РГАЛИ, ф. 1497, оп. 1, ед. хр. 143.

Вы конечно, слышали о футуристах. Знаете также и то, что в свое время, несмотря на интерес к этим разбойникам искусства, общество относилось к ним более чем скептически и когда футурист Маяковский с эстрады попытался вставить в свои стихи площадные слова – ему пришлось докончить стихи в участке.

Место для декламации, конечно, мало подходящее, но ничего не поделаешь. Когда-то литературные старцы говорили: пер аспера ад астра – через препятствия к звездам. Литературная молодежь футуристического толка выразилась определеннее: через базар – в участок! Другие футуристы тоже работали и бродили по той же тропинке. Футурист Гольцшмит ездил с лекциями по городам и публично разбивал о свою голову доски. Лекция называ-

лась «Дорогу красоте!». Причем здесь красота – осталось секретом г. Гольцшмита. Во всяком случае было только ясно, что дорогу к красоте надо пробивать собственным черепом через дубовые доски.

А. Бухов. По черепу стучают. Литературный фельетон. Эхо. Каунас, 1921. No 16 (74), 22 января.

Я угнал в Крым, мечтая о миролюбивой Персии.

Жил «на всякий случай» в Новом Симеизе.

Жил с «футуристом жизни» – Гольцшмидтом, который тоже «спасался».

Мы читали лекции в Ялте, Алушке, Симеизе, бродили по горам, подыскивая «отступление», купались, как дельфины. Превосходный спортсмен, Гольцшмидт плавал акулой и кричал:

– Попробуй мобилизуй! Немедленно уплыву в Трапезунд. Не признаю войны!

«Футурист жизни», как он называл себя, действительно был способен пуститься в «дальнее плавание», лишь бы не забрали в солдаты.

Словом, мы не унывали.

Перед каждой лекцией ялтинский полицмейстер Бузе вызывал меня в полицию и брал подписку, что стихов о «Разине» я читать не буду.

Но я читал «по требованию публики», и лекции запретили.

<...>

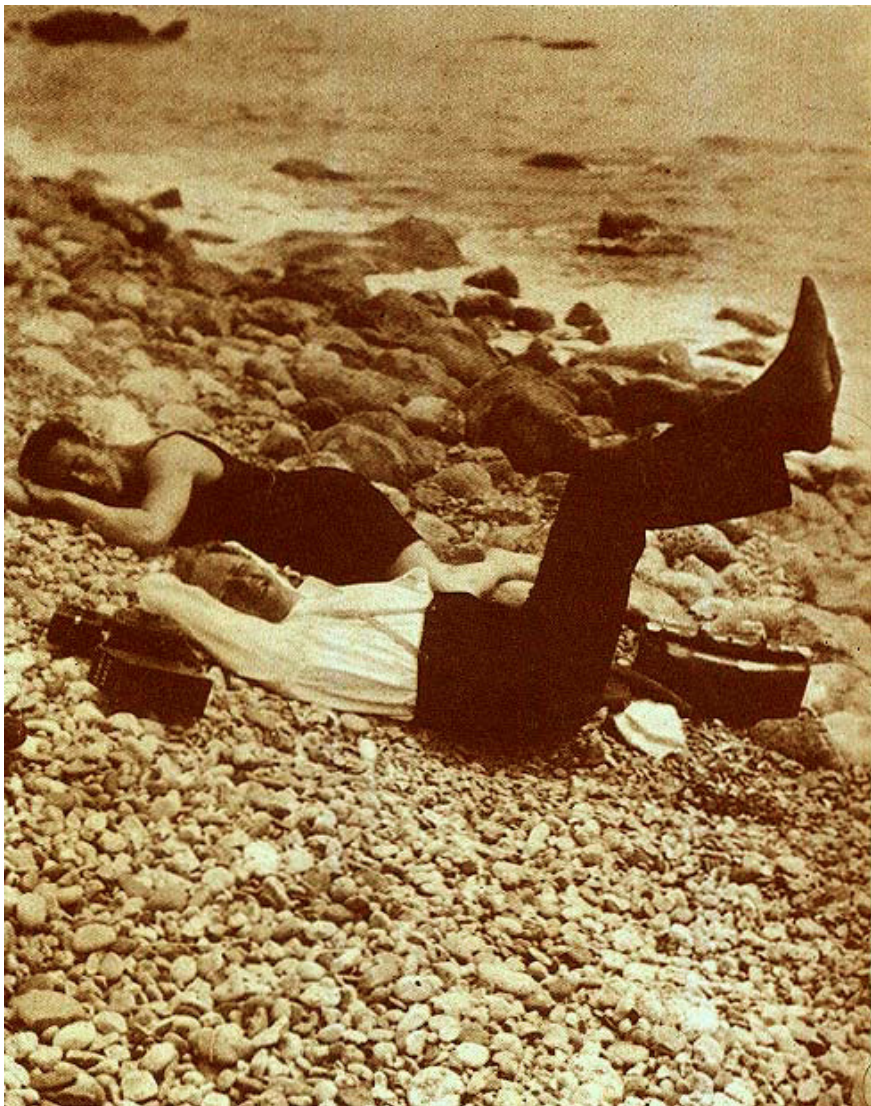
Пришлось переменить курорт.

Мы с Гольцшмидтом переехали в Кисловодск, где занялись лекционными выступлениями.

Но здесь выступать стало жутковато. Кисловодск был переполнен военщиной, и к нам постоянно приставали офицеры, – почему мы не на войне?

А у нас, на беду, и вид был самый что ни на есть гвардейский. С ядреным мясом для пушек.

Да только это нас никак не устраивало.

В. Каменский (на переднем плане) и В. Гольцшмидт (1916)

Едва изворачивались, но все-таки вывертывались: наши годы здесь, на Северном Кавказе, уже считались мобилизованными.

Именно – здесь.

Но мы себя «здешними» не считали и в этом смысле вообще были «нездешними».

Один коварный случай чуть не подвел нас под солдатский станок.

Дело в том, что атлет Гольцшмидт читал в Железноводске лекцию «Солнечные радости тела» (физкультура).

И, как обычно, после лекции проделывал опыт концентрации силы: он ловким ударом честно разбивал об свою голову несколько толстых досок.

Этим экспериментом заинтересовалась группа подвыпивших офицеров.

Офицерская компания явилась за кулисы к Гольцшмидту и потребовала показать еще не расколотые об голову доски.

Гольцшмидт показал.

А офицеры почему-то решили, что доски предварительно склеены, что это «обман».

Обиженный Гольцшмидт резонно ответил:

– Раз вы не верите – попробуйте об свою голову.

Один из офицеров принял вызов, желая, очевидно, осрамить Гольцшмидта.

Офицер сел на стул, взялся за края доски, раскачал и со всего маху дернул плашмя по своей лысой башке.

И, выпучив глаза, повалился на пол.

После столь неудачной офицерской «пробы», предвидя скандал, мы предпочли ретироваться.

И действительно, сейчас же распространились слухи, что футуристы избили доской по голове какого-то офицера.

Мы переехали на третий «курорт» – в Тифлис, где и утвердились благополучно.

В. Каменский. *Путь энтузиаста*. М., 1931.

В Дельфине

(Вл. Гольцшмидт – детство осталось
на крыше под солнцем в Крыму).

Черноморски прославленный
Я северостройный поэт
Живу в Симеизе расплавленный
Вниманием зорких планет.
Живу я на крыше в Дельфине
Смешной одинокий Колумб –
Пишу письма нездешней графине
На скамейке у розовых клумб.
Я пишу ей морские напевы
Я зову ее в знойной тоске
Ах любовница – вдовница где вы
Я сгораю на солнце – в песке.
Я пишу ей как в комнатах люди
Скрываются будто консервы
Целый день моя страсть – сверх прелюдия
Целую ночь беспокойные нервы.
А кругом так торжественно жарко
И приветно в расцветном капризе
И так больно что в мальцевском парке
Я один – апельсин в Симеизе.
Или тут жизнь вегетарианская
И напрасно пишу я графине –
Эх судьба ты моя капитанская –
На крыше в Дельфине.

В. Каменский. *Звучаль веснеянки. Стихи.* М., 1918.

Товарищ Вас. Каменского по «детской» «футурист жизни» Володя Гольцшмидт старательно поддерживал ансамбль, говоря о «солнечных радостях жизни» и презабавно коверкая язык Пушкина. Лекция футуристов привлекла избранную и отборную публику и дала приличный сбор.

Лекция футуристов. Ялтинская жизнь. 1916. № 74. 14 апреля.

Дитя 30 лет горделиво хвасталось тем, что зимой и летом ходит без шапки, но зато имеет такие волосы, что и клещами их не вырвешь. Для доказательства той истины, что здоровая психика может быть только в здоровом теле, один из футуристов не нашел ничего лучше, как расколоть о собственный лоб две крепкие деревянные доски.

И. Селиванов. Мотивы дня. Русская Ривьера. Ялта, 1916. № 85. 17 апреля.

5 мая к приставу Симеиза поступило заявление от артистки театра Незлобина Т. Н. Либекинд, что 4 мая в компании с 4-мя лицами она поехала кататься в имение Филибера при дер. Лимены. В этой компании были читавшие в Симеизе лекцию футуристы Владимир Гольцшмидт и Владимир Каменский. <Пропуск к тексту>. В это время она обнаружила исчезновение бриллиантовой броши, стоящей 6000 руб. Гольцшмидт и Каменский после происшедшего выехали в Ялту. <Пропуск к тексту>. На месте же происшествия найден коралловый браслет г-жи Либекинд и ленточка, на которой висел медальон. Дело передано судебному следователю В. С. Исаевичу, по распоряжению которого у В. Гольцшмидта до окончания следствия отобран паспорт.

Футурист В. Гольцшмидт и артистка Либекинд. Ялтинская жизнь. 1916. № 95. 8 мая.

Футурист жизни Владимир Гольцшмидт прочтет доклад «Солнечные радости тела».

Кавказскому солнцу, как жизнеисточнику, отдайте тело свое.

Будьте великими чистыми детьми в своей простоте.

Бросьте городские костюмы, забудьте условную суету вещей, учитесь жить у природы.

Верьте радостно и в весеннее чудо возрождения: пусть благоухающие расцветы волюют в ваши дни расцветную жажду стать новыми, бодрыми, яркими, мудрыми, вольными. Умейте найти свой животный инстинкт, который укажет вам путь для здоровья. Жизненное дыхание. Искусство отдыха. Аэросолярия. Занимайтесь естественной гимнастикой по своей инстинктивной системе. Сочетайте ритмически стройность движений тела с красотой вокруг.

Питайтесь разумно.

Живите радостно, полнозвучно, красиво, да будет жизнь ваша вечным благословением в грядущие дни.

В конце лекции Владимир Гольцшмидт покажет опыт с концентрацией физической силы: он разобьет о свою голову несколько досок.

Лекция футуристов. Пятигорское эхо. 1916. № 146. 3 июля.

И Василий Каменский, и Владимир Гольцшмидт оказались довольно милыми и мирными людьми, далекими по существу от футуристического балагана, которого нам стараются прививать в последние годы и который в условиях русской действительности приобрел малопривлекательные черты. Каменский читал о необходимости красоты и бодрости в жизни, о необходимости более тесного слияния с природой, где человеку дано вовсе не быть только «бульжником на человеческой мостовой», рабом вещей, «медленно умирающим в рассрочку». Г-н Гольцшмидт читал о необходимости более здоровой и гигиенической жизни, призывал дать телу больше свободы и простоты и не заковывать его в «воротниках испанской инквизиции». Призывал в интересах

здоровья ходить без шапки, дать костюму легкотканную и свободную оболочку, жить просто и быть ближе к природе.

Я. И Камский. На вечере футуристов. *Закавказская речь*. Тифлис, 1916. № 203. 20 сентября.

Во втором отделении «футурист жизни» Владимир Гольцшмидт заявил, что он не признает искусства, ни живописи, ни музыки, ни поэзии, ни театра. Для него картина – весь мир, шум зелени – музыка, и театр – жизнь. <...> «Будетлянин» Гольцшмидт долго и высокопарно хвалил своих «гениальных» товарищей – Маяковского, Хлебникова, Каменского и Бурлюка. Самое главное в творчестве Маяковского, по мнению Гольцшмидта, то, что Маяковскому 22 года. А Хлебникову только что минул 31 год. Каменский же замечателен тем, что он помещик пермской губ. и изобрел водяной автомобиль.

Если Бурлюк отец «футуризма» – воскликнул Гольцшмидт, то Каменский – мать его, т.е. «футуризма».

Саба. Футуристы. *Закавказская речь*. Тифлис, 1916. № 213. 23 сентября.

3 октября. Последний день чемпионата <по борьбе>. Предстоящая раздача призов <...> привлекла полный зал публики. За столом жюри – писатель А. И. Куприн и футуристы Каменский и Гольцшмидт.

- й. Борьба. *Закавказская речь*. Тифлис, 1916. № 223. 6 октября.

Княжна Лариса («Накануне революции»)
Драма. Метраж неизвестен.
Акционерное о-во «А. Ханжонков и К^о».
Выпуск 19. 3. 1917.
Сцен. Антонина Ханжонкова (?).

Опер. Борис Завелев.

Актеры: Владимир Стрижевский (князь Бельский), Владимир Гольцшмидт (Эрик, его друг), Зоя Баранцевич (княжна Лариса) <...>

Великий кино. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908-1919. М., 2002.

Писавший сценарий, по-видимому, лишен самых элементарных художественных потенций, и нас удивляет, что литературный отдел фирмы, выпустившей эту картину, не обратил на это должного внимания.

Видимо, сценарий написан для новоявленного «Мациста» г. Гольцшмидта, который купается в реке Москве, борется со статистами, показывает фокусы и появляется в самые нужные моменты на выручку герою. <...> Г. Гольцшмидт имеет все «экранные» данные, но чувствуется неопытность. Декорации красивые, фотография безукоризненна.

Театр. 1917. № 1994.

Уже несколько дней по улицам нашего города гуляют странные люди, возмущающие обывателей своим внешним видом.

Без шляп, легко, иногда необычно, причудливо одетые, они не укладываются в общий трафарет, установленный для всех.

То «король футуристов» Вас. Каменский со своим оруженосцем Вл. Гольцшмидтом, исколесившие всю Россию и заглянувшие, наконец, на Урал. С ними иногда появляется и пепельноволосяя в оригинальном костюме девушка <Е. Бучинская>, с черными узорами на матовом лбу.

С. Виноградов. Аккорды жизни. Уральская жизнь. Екатеринбург, 1917. № 79. 14 апреля.

Оценила публика и оригинальное хоровое чтение песен, стихов В. Каменского, исполненное им совместно с г-жой Бучинской и г. Гольцшмидтом.

Лекция последнего – «Солнечная литургия здоровью» – горячий призыв возвращения к природе, к естественности, провозглашение непримиримой борьбы с предрассудками, условностью в личной жизни каждого – носила более практический, деловой характер и во многом заставляла считаться с выставленными в ней положениями необходимости реформы в одежде, питании, привычках культурных людей.

С. Виноградов. Лекция-вечер футуристов. *Уральская жизнь*. Екатеринбург, 1917. № 85. 22 апреля.

Жажда тесного объединения новых поэтов, художников выросла до пределов необходимости немедленной организации клуба-эстрады, где мы могли бы постоянно встречаться и демонстрировать произведения в обстановке товарищеского собрания.

Кстати, мы имели в виду и гостей с улицы.

С этой целью я с Гольцшмидтом отыскивали на Тверской, в Настасьинском переулке, помещение бывшей прачечной и основали там первое «Кафе поэтов».

В. Каменский. *Путь энтузиаста*. М., 1931.

Для того чтобы посмотреть и послушать футуристов, надо заплатить за вход 3 рубля.

И ходят, и смотрят, и слушают, потому что теперь все равно денег девать некуда.

Народу собирается много. Шумно, душно, накурено. На возвышении сидят «четыре кита» футуризма: Маяковский, Каменский, Гольцшмидт и Бурлюк. Они «занимают публику».

Выступают очень странные «футуристы». Вот один – с напудренным лицом, подведенными глазами и даже с «мушками» на щеках. Другой – тоже «наштукатуренный» в лиловой рубашке с открытой шеей. <...>

Время от времени кто-нибудь из футуристов объявляет свой «бенефис», и по случаю такого «торжества» входная плата повышается уже до 5 рублей.

Р. Меч <Р. Менделевич>. Кафе поэтов. *Московский листок*. 1917. № 273. 16 декабря.

Ну, или там, помню, Гольцшмидт. <...> Красивое лицо греческого, понимаете... как скульптуры вот греческие: аполлоновский профиль, курчавая головка, небольшой лоб стройный, – вот как греческая, понимаете. На нем полудамская кофта с квадратным вырезом, с оторочкой, и <...> на цепи какой-то медальон. <...> Большой, порядочный медальон, он был в таком духе, как сейчас девушки вот носят модные. Там, в Настасьинском переулке, его выступления были беспомощны. Я его помню, если отклониться, когда этот Гольцшмидт вывешивал афиши по всей Москве – объявлял конференцию девушек. Он выступал в Политехническом музее вот перед девушками, пленяя их своей красотой, и плел всякую ерунду. Он брал на себя миссию, вообще, объяснить, как жить нужно, как укреплять тело и так далее. Он говорил, например: «Как вы спите, девушки? Ведь самая естественная поза для человека – это поза нерожденного ребенка: он держится в чреве матери скорчившись, и его ручки положены между приподнятых коленочек». Ну, Гольцшмидт, конечно, – это фигура проходящая. Рассказывали о том, что он раньше разбивал о свою голову такие дюймовые доски...

Д. Егоров. <Устные мемуары>. *Собрание фоновых документов им. В. Д. Дувакина*, ед. хр. 61.

Зимой 1917 года, не помню точно числа и месяца, на московских улицах появились маленькие красные афиши, гласившие, что в Настасьинском переулке в д. № 15 на Тверской открылось «Кафе поэтов», с эстрады которого читаются стихи футуристами Василием Каменским, Владимиром Маяковским, Давидом Бурлюком, футуристом жизни Владимиром Гольцшмидтом и их молодыми друзьями, устраиваются диспуты, лекции и проч.

Афиши эти читались и перечитывались, вызывая много толков среди московских обывателей. Говорили о «кафе футуристов» или, как его окрестили в прессе, «Кафе четырех Бурлюков из Настасьинского переулка», что только не лень. Принимавшие фантастические размеры толки, самого скандального свойства, частью были основаны на недавней правдоподобной легенде о лекциях футуристов, с обругиванием публики и выплескиванием на нее остатков чая с эстрады, на толках о шествии футуристов с раскрашенными физиономиями, а главным же образом на ежедневном лицезрении с 12 до 3 дня богатырской фигуры «футуриста жизни», самого директора кафе Владимира Гольцшмидта прогуливающегося по Кузнецкому, в открытой парчовой рубашечке, декольте и куртомажнэ, в браслетах и медальонах, с обсыпанной золотистой пудрой частью кудрявой головы, то одинокого и мечтательного, то окруженного последователями, одетыми в не менее оригинальные костюмы. Толки эти поддерживались и листовыми афишами с портретом «русского иога», все того же самого Владимира Гольцшмидта, анонсировавшими о лекциях «футуриста жизни», на которых последний учил опрощению, давал ответы на все вопросы публики и, наконец, «во имя солнечных радостей» разбивал чуть ли не пятисантиметровые сосновые доски, о свою же собственную позолоченную голову (сему высокопоучительному зрелищу я был свидетелем лично).

Немало говорили и о «босоножке-футуристке» Елене Бучинской, выступавшей на лекциях «иога», по секрету передавая, что это не кто-нибудь, а дочь самой Тэффи, о вы-

ступлениях «отца и матери русского футуризма» - Давида Бурлюка и Василия Каменского и о многом, многом другом, создававшем вокруг маленького кафе в Настасьинском переулке, атмосферу места интересного, скандального и увлекательного. <...>

На одном уровне с эстрадой ближе к кухне помещалась дверь в директорскую. Комната эта, любимое место пребывания нас, завсегдатаев кафе, представляла из себя узкий закоулок, вмещавший кровать с пологом, стол и табуретку. Стены директорской были сплошь оклеены саженными афишами выступлений русского иога и китов футуризма во всех городах «Российской Империи». При чем одна из афиш указывала на то, что сам русский иог начал свое служение солнцу участием в одном из чемпионатов французской борьбы. <...>

На прилавке буфета продавались карточки Владимира Гольцшмидта, в костюме и без оного <...>

Входная плата, в начале существования кафе, была в 3 рубля, внесшим же единовременно сотенную Гольцшмидт выдавал «билет действительного друга». Такой билет я получил на второй или на третий день моего знакомства с Гольцшмидтом, да кстати сказать, их редко кто и приобретал, в большинстве Гольцшмидт попросту раздавал их близким «кафе» людям. «Билет действительного друга» выдавался на право посещения всех платных вечеров, включая экстраординарно-футуристические и подписывался обоими директорами: – В. Гольцшмидтом и В. Каменским. <...>

Никакой официальной программы обычно не было, попросту решали в директорской, что публики достаточно, можно начать выступления и Гольцшмидт отправлялся на эстраду поучать «опрощению жизни»... <...>

Из актеров постоянно выступала в кафе А. Р. Гольцшмидт, концертная певица, обладавшая очень приятным небольшим голосом, Елена Бучинская и Аристарх Климов. И Климов, и Анна Гольцшмидт пели незатейливые лирические романсики, ничего общего ни с футуризмом, ни с новым искусством не имевшие. <...>

Маяковский, единственный из китов, одевался без особого чудачества. Он ходил в черном костюме, с красным шарфом вместо галстука. О Гольцшмидте я уже и не говорю, этот всегда был одет, или, вернее сказать раздет, более, чем оригинально <...>

Я не буду говорить здесь о целом ряде вечеров и лекций В. Гольцшмидта с разбиванием досок и участием А. Р. Гольцшмидт и Елены Бучинской <...>

Из «экстраординарно-футуристических» вечеров в самом кафе поэтов наиболее памятни: – «Маскарад» и «Состязание на кубок кафе поэтов». К маскараду готовились мы долго и напряженно. Все хотели явиться в костюмах. В результате же костюмированных почти не было. Бурлюк пришел в какой-то шутовской кофте с намалеванным цветком на щеке; Гольцшмидт, как мать родила, но зато загримированный в коричневый цвет, с браслетами, медальонами, звериной шкурой вместо фигового листика и в сандалиях – зрелище было в достаточной мере занятное. <...>

Трагикомедия с выборами «короля поэтов» навела В. Р. Гольцшмидта на мысль устроить в начале февраля 1918 года, состязание молодых поэтов на приз: «Кубок кафе поэтов». Киты от состязания были устранены. Участие в нем, насколько помнится, приняли Н. Поплавская, Н. де Гурно, М. Кларк, Е. Панайотти, С. Заров, А. Климов, А. Кусиков, В. Королевич, Н. Кутушева, С. Тиванов, Л. Моносзон, Д. Бурлюк (причисленный к молодежи), я и некоторые другие <...> Приз – «серебряный кубок» случайно получил поэт «португалец» Юрий Вилиардо, затмивший нас рядом горячих и красочных стихотворений посвященных солнцу».

Н. Захаров-Мэнский. Как поэты вышли на улицу (Отрывки из дневника и воспоминаний о быте московских поэтов в кофейный период русской литературы). Часть Iая (1917 – 1918 г.). РГБ, ф. 653, карт. 48., ед. хр. 5.

В Б. аудит. Полит. муз. в субб., 30 дек., в 7 ч. веч., состоится ЕЛКА ФУТУРИСТОВ, с участ. Давида Бурлюка, Владимира Гольцшмидта, Василия Каменского, Владимира Маяков-

ского и др. Вакханалия. Стихи. Речи. Парадоксы. Открытия. Возможности. Качания. Предсказания. Рычания. Хохот. Жел. прин. уч. в украш. елки фут. приг. за 1 ч. с собств. игруш. Бил. прод. у швейц. Полит. муз. и в маг. Вольфа.

Русские ведомости. 1917. № 275. 24 декабря (6 января).

Я развыступался. Была «Елка футуристов» в Политехническом. Народищу было, как на советской демонстрации. К началу вечера выяснилось, что из 4-х объявленных на афише не будет Бурлюка, Каменского, а Гольцшмидт отказывается. Вертел ручку сам. Жутко вспомнить.

Письма Маяковского к Л. Ю. Брик. *Новое о Маяковском.* М., 1958. – (Литературное наследство. Т. 65).

Они появились в России года за два до войны, как зловещие вестники нависающей катастрофы. Они ходили по улицам в полосатых кофтах и с разрисованными лицами; веселились, когда обыватели приходили в ужас от их стишков, написанных одними звуками (слова, а тем более смысл, они отрицали), от их «беспредметных» картин, изображавших пятна, буквы, крючки, с вклеенными кусками обоев и газет. Одно время они помещали в полотна деревянные ложки, подошвы, трубки и пр.

Это были прожорливые молодые люди, с великолепными желудками и крепкими челюстями. Один из них – «учитель жизни» – для доказательства своей мужской силы всенародно ломал на голове доски и в особых прокламациях призывал девушек отрешиться от предрассудков, предлагая им свои услуги. (Год тому назад я его видел в Москве, он был в шелковой блузе, в золотых браслетах, в серьгах, и с волосами, обсыпанными серебряной пудрой.)

А. Толстой. Торжествующее искусство. *Общее дело.* Париж, 1919. 7 сентября.

Ежедневное выступление футуристов Давида Бурлюка, Владимира Гольцшмидта, Владимира Маяковского, Василия Каменского и друзей искусства. ЭСТРАДА ВСЕМ!!! Программа с 9 до 1 ч.н.

Наше время. 1918. № 30. 19 (6) февраля.

Кафе поначалу субсидировалось московским булочником Филипповым. Этого булочника приручал Бурлюк, воспитывая из него мецената. Булочник оказался податлив. Он производил на досуге стихи. В стихах чувствовалось влияние Каменского. Булочник издал на плотнейшей бумаге внушительный сборник «Мой дар». Дар был анонимным.

Впоследствии, за спиной всех поэтов, кафе откупил примазавшийся к футуризму, величавший себя «футуристом жизни», некий Владимир Г<ольцшмидт>. Это была одна из ловких операций проповедника «солнечной жизни». Он поставил всех перед совершившимся фактом, одним ударом заняв главные позиции. Помимо старшей сестры его, оперной певицы, еще раньше подрабатывавшей в кафе, за буфетной стойкой появилась его мамаша, за кассу села младшая сестра. В тот вечер Маяковский был мрачен. Обрушился на спекулянтов в искусстве. Г<ольцшмидт> пробовал защищаться, жаловался, что никто его не понимает. Публика недоумевала, не зная, из-за чего заварился спор. Бурлюк умиротворял Маяковского, убеждая не срывать сезон.

Но кто бы ни владел предприятием, хозяйство строилось так: было несколько постоянных сотрудников, обслуживавших каждый вечер эстраду. Поэты – Маяковский, Каменский, Бурлюк. Вышеупомянутая певица, «поэт-певец» Аристарх Климов. В этот штат включился и я.

С. Спасский. Москва. В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963.

Кафе поэтов помещалось в полуподвале, кажется, в бывшей прачечной. В длинной, с нависшими над головами сводами и грубо размалеванными стенами комнате стояли простые столы. В конце возвышалась сколоченная из досок небольшая эстрада. С эстрады читались стихи и пелись песенки. За столами сидела разношерстная публика, больше солидные присяжные поверенные с совсем не солидными дамами, и наслаждалась не столько заумной поэзией, сколько ожиданием скандала и подававшимся на стол жареным гусем или индейкой с проперченной красной капустой. <...>

К тому времени, когда я впервые забрел в кафе поэтов, оно было откуплено неким Гольцшмидтом. Старшая сестра его, оперная певица, давно подвизалась в футуристическом кафе, и он, посадив младшую в кассу, а мать за буфетную стойку, сделал его как бы семейной своей собственностью. Из поэтов постоянно бывали в кафе Маяковский, Каменский и Бурлюк.

Ни Бурлюка, ни его знаменитого лорнета я на Настасьинском не примечал. Зато сразу запомнил здоровенного мужчину с густо напудренным лицом и оголенной грудью. Это и был Владимир Гольцшмидт. Называл он себя «футуристом жизни», но не мог толком объяснить, что это значит, как и того, почему ему необходимо дамское декольте. <...>

На Настасьинском я побывал несколько раз. Конечно, меня привлекал не Гольцшмидт, а выступавшие там поэты, в доверие к которым втерся этот проходимец.

И. Кремлев. На литературном посту. Воспоминания. М., 1968.

Красный сводчатый кабачок, вымазанный пестрыми зигзагами футуристов. Кабачок, где полуобнаженные женщины и девушки, с лицами, размалеванными, как вывески гостиниц, мешались с буржуазными любопытствующими дамами, пьяными солдатами и напудренными dandy. Гольцшмидт, ломающий о свою голову доску, одетый в красный муар, а

иногда совсем обнаженный, выкрашенный в коричневую краску «под негра», проповедует здесь «Радости тела».

В. Королевич. Ярмарка поэзии. Московское Carte-Postale. Южный край. Харьков, 1918. 12 июля.

Оживлял публику также Гольцшмидт; на афишах он именовался «футуристом жизни», стихов не писал, а золотил порошком два локона на голове, отличался необычайной силой, ломал доски и вышибал из кафе скандалистов. <...> В «Кафе поэтов» я довольно часто бывал, даже как-то выступил и получил от Гольцшмидта причитающиеся мне за это деньги.

И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. Т. I. М., 1990.

Проповедник выходил в яркой шелковой рубашке с глубоким декольте. Шея его действительно была крепкой. Да и весь он выглядел могуче. <...> Тут же на лекции демонстрировал он дыхание, позволявшее сохранять тепло. Совсем ни к селу ни к городу читал стихи, преимущественно Каменского. Впрочем, и одно свое, воспевающее его собственные качества. Но главный, центральный номер преподносился в конце. Г<ольцшмидт> брал деревянную доску. Публика призывалась к молчанию. Г<ольцшмидт> громко и долго дышал. И вдруг хлопал себя доскою о темя. Все вскрикивали. Доска раскалывалась на две. Аплодисменты. Г<ольцшмидт> стоял гордо. Во всеуслышанье сообщал свой адрес. Желающих поздороветь просил обращаться к нему.

С. Спасский. Маяковский и его спутники. Л., 1940.

Мы, студенты, собирались уходить из кафе футуристов. Как вдруг Д. Бурлюк, лорнируя посетителей, объявил, что сейчас

выступит футурист жизни, первый русский йог Владимир Гольцшмидт.

На эстраду вышел атлетического сложения человек, напоминающий участников чемпионата французской борьбы, который недавно проходил в цирке Р. Труцци. На футуристе жизни была желтая шелковая рубашка, напоминающая давнишнюю желтую кофту Маяковского. Ворот рубашки с глубоким вырезом открывал бычью шею, короткие рукава обнажали бицепсы. На лице футуриста жизни, на шее, на волосах лежали слои пудры бронзового цвета, что делало его похожим на индуса, йога.

Атлет развернул широкие плечи, вдохнул с шумом воздух, раздувая мощную грудь, и стал говорить о том, что каждому человеку нужно беречь свое здоровье и закаляться. Для этого носить летом и зимой легкую одежду, при любом морозе не надевать шапки, пальто или шубы. Он требовал, чтобы завтра утром каждый, кто слушает его, выбросил бы свои шапки, шляпы, шарфы, кашне, башлыки, сорочки, кальсоны, воротнички, особенно крахмальные, и т. д. и т. п. В доказательство своей «программы жизни» он тут же продемонстрировал свое отлично поставленное дыхание, поднятие тяжестей, сгибание некоторых железных предметов.

После этого первый русский йог потребовал внимательно слушать его и записывать. (Я и записал.) Он советовал всем, кто хочет приобрести хорошую осанку и форму, два раза в день применять древний способ йогов: «Ут-тапа-курм-асана».

— Вы принимаете позу петуха, — говорил футурист жизни, показывая, как это надо делать, — и, держась обеими руками за затылок, спокойно лежите минут десять, вытянувшись, как черепаха. Особенно для мужчин, — продолжал он, — рекомендую еще один древний способ йогов, благодаря которому вы приобретете могучую волю и духовную силу. Протяните кверху ноги, согните колени и старательно прикройте лодыжки руками, втяните шею в себя и ровно семь минут созерцайте кончик вашего носа...

В заключение футуристу жизни на огромном блюде принесли большую печеную картофелину, он положил ее цели-

ком в рот, съел. Потом взял обеими руками блюдо, отвел его от себя подальше и с силой ударил им по своей голове. Голова первого русского йога осталась целой, а блюдо разлетелось на куски...

М. Ройзман. Все, что помню о Есенине. М., 1973.

И все голоса покрывает зычный по-наглому, по-хулиганскому развалистый бас Семисветова. Он <...> стоит, покачиваясь, на маленькой эстраде; над головой несколько лампочек, обернуты в красную бумагу; в глубине сидят футуристы: болезненный юноша в черном бархате, с лорнетом, с длинными намазанными ресницами, порочная, пропитанная кокаином, полуживая и шепелявая девица, кудрявый, жилистый парень с бабьим лицом и в полосатой, как матрац, шелковой кофте, рядом с ним знаменитый футурист жизни Бубыкин, с близко сидящими глазками, с серьгой, голой грудью и воловьим затылком, стихов он не пишет, говорит – ни к чему, и еще две сексуальные в помятых, черных платьях девушки.

А. Толстой. Между небом и землей (Очерки литературной Москвы). Южный край. Харьков, 1918. 5-12 октября.

Под конец вечера, когда уже было сравнительно мало публики, вдруг пришли чекисты проверять документы, выяснять, что за люди. У меня не то документ был недостаточный, не то никакого документа не было, и уже начали было мне докучать. Когда вмешались в мою пользу, с одной стороны, Каменский – «Это же наш человек, он с нами работает...» – а с другой стороны, особенно сильно и внушительно, «футурист жизни» Владимир Гольцшмидт – и меня не тронули.

Р. Якобсон. <Воспоминания>. Якобсон-будетлянин. Сборник материалов. Стокгольм, 1992.

Однажды «футурист жизни» решил поставить себе памятник на Театральной площади; статуя была гипсовая, не очень большая и отнюдь не футуристическая – стоял голый Гольцшмидт. Прохожие возмущались, но не решались посягнуть на загадочный монумент. Потом статую все же разбили.

И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. Т. I. М., 1990.

Гольцшмидт <...> как-то приехал на Театральную площадь и привез с собой на извозчике гипсовую фигуру и сделанный из фанеры постамент. Облюбовав центральную клумбу неподалеку от входа в Большой театр, он принялся рыть землю. Собралась толпа, и Гольцшмидт заявил подошедшему на шум милиционеру, что ставит себе памятник.

– А разрешение райсовета у вас есть? – обалдело спросил милиционер.

– Искусство не подчиняется райсовету, – во всеуслышание заявил Гольцшмидт.

Курьезную историю эту подтвердил и скульптор В. А. Ваганов. <...>

«В первый год революции, – рассказывал он, – я лепил для Дарвинского музея фигуру «кроманьонца» – доисторического человека. Однажды я услышал, что какой-то футурист, читающий лекции в Москве, замечательно сложен. Я решил его посмотреть. Мне удалось его увидеть в Историческом музее. Действительно, Гольцшмидт обладал прекрасной фигурой.

... Он охотно согласился мне позировать, но с условием, что я сделаю фигуру по его проекту, который заключался в том, что он должен быть изображенным «гордо идущим, а пятки его должна кусать собака». Видимо, он хотел показать себя в образе прогрессивного человека, которому мешают идти вперед обыватели и мещане. Я сделал с него полуметровую

фигуру, и Гольцшмидт тут же сообщил мне, что хочет ее поставить, как памятник. «Будет ли он стоять час или век — это неважно. Главное, что памятник себе я поставлю!» — убеждал он меня».

И. Кремлев. На литературном посту. Воспоминания. М., 1968.

Этот же футурист жизни зимой 1918 года привез на сквер Театральной площади (ныне площадь Свердлова) на санках несмонтированную гипсовую полуфигуру. Он сказал сторожу, что должен водрузить ее посередине занесенной снегом клумбы. Засыпавший от недоедания на ходу и привыкший ко всяким неожиданностям сторож только махнул рукой. Гольцшмидт вооружился лопатой, очистил вершину клумбы от снега, уровнял ее и водрузил подставку. Взяв торс, поставил его на стержни подставки. Потом принес голову, укрепил ее на шарнирах и встал рядом с бюстом. Конечно, собралась толпа.

— Товарищи москвичи! Перед вами временный памятник гениальному футуристу жизни Владимиру Гольцшмидту, — проговорил ловец славы Владимир Гольцшмидт. — Его друзья — четыре слона футуризма: Бурлюк, Хлебников, Маяковский, Каменский. Футурист жизни был первым русским йогом и звал всех к солнечной жизни. В память этого гения двадцатого века я прочту его стихи.

Владимир Гольцшмидт стал читать свое единственное стихотворение, где все, начиная от слов и кончая ритмом, было заимствовано у Василия Каменского, но восхваляло его, Владимира Гольцшмидта. Те, кто не знали его в лицо, аплодировали; а кто знал — стоял в недоумении. Футурист жизни взял лопату, положил на санки, быстро повез их за собой, заставляя расступиться толпу. Тогда кто-то крикнул ему вдогонку:

— Вы же и есть Владимир Гольцшмидт!

Сразу поднялся крик, шум. Привели сторожа, который было проснулся, но сейчас же снова задремал. Чья-то палка

опустилась на голову гипсового гения. Потом другая. Через минуту на клумбе лежала груда черепков...

М. Ройзман. Все, что помню о Есенине. М., 1973.

Вот любопытная история тех дней, о которой колоритно рассказывает художник Федор Богородский.

Однажды в один из светлых весенних дней некий «футурист жизни» — молодой человек торжественно въехал на извозчике на Театральную площадь.

Неспешно выгрузил полуметровую фигуру, отлитую из гипса, и фанерный постамент. Расположившись у центральной клумбы, что напротив Большого театра, он начал рыть землю.

Мигом его окружила толпа любопытных. Подошел постовой милиционер и задал вопрос:

— В чем дело, товарищ? Что вы здесь роете?

Ответ был односложен и прост до предела:

— Я ставлю себе памятник!

— Позвольте, — воскликнул озадаченный милиционер, — а разрешение райсовета на этот памятник у вас есть?

— Искусство райсовету не подчиняется, — гордо ответил «футурист жизни»...

И. Долгополов. Мастера и шедевры. Т. III. М., 1988.

К этому времени в сквере, напротив Большого театра, собралось достаточно народу: футуристы, «подфутуристники», из «неопределенных» юношей и девиц, и вообще публика, которая прослышала, что готовится скандал. <...>

И вот к скверу подкатывает Гольцшмидт «в натуральную величину»: в шелковой рубаше с открытой шеей и, кажется, с серьгой в ухе. <...>

И «памятник» на извозчике привез: пьедестал и фигуру.

Остальные — прочие футуристы зааплодировали и закричали не то «ура», не то «караул».

Гольцшмидт стащил памятник с извозчика и стал его устанавливать на клумбе.

Небольшая фигурка из гипса изображает «великого футуриста» совершенно голым с поднятым кверху лицом. А внизу – собака, которая хватает «великого» за пятку.

– Почему вы держите голову кверху? – спрашивает кто-то. <...>

– Это я иду навстречу солнцу!

– А собака для чего?

– А это общественное мнение!

Театральный сквер на некоторое время превращается в филиальное отделение «желтого дома».

Футуристы читают около «памятника» стихи, часть публики смеется, часть возмущается. <...>

Позорище кончилось. Футуристическая орда растаяла. На клумбе остался стоять голый Гольцшмидт.

Позорище на Театральной площади. *Воскресные новости*. 1918. № 5. 21 (8) апреля.

Так пришли мы к Театральной площади, где застали любопытную сцену. Некто, по фамилии Хрящ, а по профессии чемпион французской борьбы и «футурист жизни», дававший советы молодым девушкам, как приобщиться к солнцу, водружал сам себе в скверике памятник. Хрящ был рослый, с позолоченными бронзовым порошком завитками жестких волос, с голыми ногами, невыразительным лицом и прекрасными бицепсами. Толпа опасливо молчала, полагая, что это какой-нибудь «большой большевик». <...> Потом пришел красноармеец, сплюнул и повалил статую на землю. Публика разошлась...

И. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито... *Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. Жизнь и гибель Николая Курбова. Рассказы*. Ростов-на-Дону, 2000.

По Кузнецкому мосту не так давно ходили два дебелых молодчика <В. Каменский и В. Гольцшмидт>. <...>

Один в блузке из пестрого кретона. Другой – в шелковой, с большим черным крестом на шее.

Немного позднее один из них <В. Гольцшмидт> проколол себе левое ухо и привесил длинную серьгу.

Мимоза. Футуристические антрепренеры. *Театр*. 1918. № 2125. 6 – 8 – 9 октября.

Один из футуристов появился на эстраде с серьгой в ухе, в беленькой рубашечке, отороченной синеньким. <...> Появление Гольцшмидта вызвало целый восторг «сочувствующих».

Ф. 3-т. «Оркестрион великолепного отчаяния» (Вечер футуристов 3 октября). *Театральный курьер*. 1918. № 15. 4 октября.

Я взял Вадима <Шершеневича> под руку, отвел в сторону и объяснил:

— Я вижу, Дима, что ты не в своей тарелке. Что произошло?

Вместо ответа он спросил:

— Не знаешь, чем закончилось дело Гольцшмидта? Это случилось в жаркий июльский день прошлого года. Днем из одного подъезда на Петровке вышел в костюме Адама футурист жизни, первый русский йог Владимир Гольцшмидт, а вместе с ним две девушки в костюмах Евы. Девушки понесли, держа за древки, над головой шагающего футуриста жизни белое полотнище, на котором крупными черными буквами было намалевано «Долой стыд!» Первый русский йог стал зычно говорить, что самое красивое на свете это — человеческое тело, и мы, скрывая его под одеждой, совершаем святотатство. Разумеется, толпа окружила голых проповедников и с каждой минутой росла. Вдруг откуда не возьмись бойкая старушка закричала: «Ах вы, бесстыжие глаза!» — и стала довольно усердно обра-

батывать одну из обнаженных девиц белым зонтиком. Та несла двумя руками древко и не могла защищаться. Обозлившись, первый русский йог вырвал зонтик из рук старушки и забросил в Дмитровский переулок. Старушка упала и завопила. Толпа стала угрожающе надвигаться на Гольцшмидта и его спутниц. В это время подоспели милиционеры и доставили всех троих в 50-е отделение милиции, которое тогда помещалось в Столешниковом переулке. На территории этого отделения находился клуб Союза поэтов, я был знаком с милицейскими работниками и прочитал протокол. Футурист жизни и его спутницы сперва находились в камере предварительного заключения, а потом, после суда, были высланы из Москвы с правом жительства повсюду, кроме шести столиц наших республик («минус шесть»). В провинции первый русский йог начал выступать в роли фокусника, гипнотизера и в заключение программы разбивал о свою голову разные предметы...

М. Ройзман. Все, что помню о Есенине. М., 1973.

В воскресенье, 12 января, зал Общественного Собрания над Городской Управой наполнился публикой, собравшейся на лекцию «представителя московских футуристов», «русского йога», известного хорошо пермякам своим необычным видом и поведением (и смутными слухами о московских похождениях), Владимира Гольцшмидта. Все билеты проданы, выпускаются добавочные. По-видимому, интерес к Гольцшмидту с весны, когда он читал свою первую лекцию в Городском театре, значительно повысился, а может быть, просто публика о лекциях соскучилась.

Сцена убрана какими-то диковинными пестрыми тканями, коврами и шкурами. Это Гольцшмидт «творит красоту вокруг себя».

Лектор выходит в праздничном футуристическом костюме, которому нельзя отказать в изяществе.

Первая часть лекции посвящается любви и взаимоотношениям мужчины и женщины. Вторая же представляет такой

сумбур, что решительно не удастся уловить, о чем хочет говорить лектор.

Вообще все, о чем говорилось, можно разделить на две части. Или Гольцшмидт под видом «нового слова» ломился в открытые двери, или говорил абсолютные нелепости.

К числу первых утверждений, уж двадцать раз рассматривавшихся и в литературе, и в искусстве, принадлежит провозглашенная им, например, мысль о том, что нужно любить, не связывая своего чувства с ответным чувством другого человека. <...>

К числу утверждений второго сорта принадлежит (оставляемое нами на совести Гольцшмидта) мнение, что «все новое ценно». Гольцшмидт упустил из виду, что можно выдумать целую коллекцию нелепостей, которые вряд ли будут иметь хоть какую-нибудь ценность, кроме отрицательной.

Также вряд ли может у сколько-нибудь здравомыслящего и образованного человека не вызвать улыбки утверждение Гольцшмидта, что сильное желание человека лететь может преодолеть закон тяготения, подобно тому, как человек осуществляет свое желание ползать, ходить, плавать и т.д.

В. Покровский. Лекция Гольцшмидта. Свободная Пермь. 1919. № 15. 17 января.

Вероятно, Тюмень обратила внимание на появление на ее улицах человека, разгуливающего очень и очень легко одетого, без всякого головного убора. Некоторые очевидцы передают, что видали его купающимся в одной из прорубей Туры. Вот этот самый господин и есть футурист Гольцшмидт. <...>

Лекция собрала почти полный зал.

Внешне г. Гольцшмидт производит очень и очень хорошее впечатление. Хорошо сложенный с открытой могучей шеей и с шапкой густых кудрявых волос, он представляет из себя великолепный образец физического здоровья. Читает лекцию с некоторым пафосом, и надо отдать ему справедливость, читает совсем не по-футуристически, т.е. избегает уж

очень резких выражений по адресу аудитории, еще не отрешившейся, по учению футуризма, от «рабства и хамства самого себя». <...>

Правда, так, вскользь – чуть-чуть не обошлось без определения всех слушателей «стадом баранов», «толстобрюхими и тупыми буржуями», неспособными к самопознанию «своего жизненного инстинкта», но это было сделано в такой мягкой форме, что аудитория даже наградила за это лектора аплодисментами.

Лекция футуриста Гольцшмидта. *Свободное слово*. Тюмень, 1919. № 41. 26 февраля.

Как бы ни были пустозвонны словоизлияния г. Гольцшмидта и его сотоварища по ремеслу г. Гуцина, но им приходится уделить некоторое внимание. <...> Проповедовали развязные «одинокие юноши» уничтожение рабства мещанской условной морали, сковывающей свободу чувства любви, и полный свободный его расцвет; идеализировали простоту «изгибности» любви животных; предлагали учредить кооперативные дома воспитания детей, так как семейная жизнь сковывает любовь, и др. в том же роде. А затем шло самовосхваление г. Гольцшмидта. На какие только высокие пьедесталы не громоздится лектор: то он яркая индивидуальность, то учитель жизни, то пророк, указыватель истинного пути человечеству и мн. др. не менее скромно сообщает о себе г. Гольцшмидт. Не отказывая в талантливости Пушкину и Толстому, он, однако, добавляет, что они, футуристы, сами таланты и «кователи» личности, а потому им Пушкин и Толстой не нужны.

М. С-ын <М. Синицын>. «Лекция поэзо-вечер». *Сибирская жизнь*. Томск, 1919. № 51. 14 марта.

Гольцшмидт воспылил нежными чувствами к некой туземке камчадалке и решил вступить с ней в законный

брак. Однако к этому браку оказалось серьезное препятствие недоуменного свойства, а именно священник до совершения брака обратился в епархию с просьбой разъяснить – возможен ли брак камчадалки и футуриста. По-видимому, футурист мыслится то ли как особа явно языческая, то ли как выходец из неведомого народа, с которым Камчатка дипломатические отношения еще не успела установить.

Брак футуриста с камчадалкой. *Лель*. Владивосток, 1919. № 1. 15 ноября.

В конце гражданской войны я встретил Гольцшмидта в Батуме. В портовом городе этом скопилось немало самых фантастических персонажей, удиравших из «Совдепии» и почему-либо не попавших на последний пароход, увозивший из меньшевистской Грузии скопившуюся в ней белоэмигрантскую и всякую иную сгоночь.<...>

В Батуме Гольцшмидт обзавелся легким бамбуковым столиком и, выставив его прямо на тротуар, торговал безделушками и всякой мелочью, оказавшейся в чемоданах неудачливых эмигрантов, застрявших в последнем русском порту.

И. Кремлев. *На литературном посту. Воспоминания*. М., 1968.

Второй знакомый, с которым Есенин неожиданно встретился на Кавказе, был очень оригинальный тип — Владимир Хольцшмидт, называвший себя футуристом и «поэтом жизни». Он выступал в клубах с совершенно дикими стихами, а в заключение вечера, к большому удовольствию публики, раскалывал о свою голову толстые доски.

Хольцшмидт был рослый красавец лет двадцати пяти, изумительно сложенный и в своем характере сочетающий невероятную наглость с младенческой наивностью.

В 1918 году он выступал в Москве в «Кафе поэтов» и там познакомился с Есениным.

В 1924 году они встретились в Баку, и не особенно дружелюбно. Иногда дело доходило чуть ли не до драки. Но вот удивительно, — силач и боксер-профессионал Хольцшмидт вдруг начинал как-то робеть перед Есениным, в сущности — не очень сильным человеком. В самый напряженный момент, когда Есенин до белого каления доводил твердолобого «поэта жизни», издеваясь над его «стихобреднями», — Хольцшмидт вдруг засовывал свои могучие кулаки глубоко в карманы и молча уходил... Любопытная деталь. «Футурист» гастролировал по России со своей матерью — щуплой и хромой старушкой, которая души не чаяла в своем сыне. Тот отвечал ей такой же нежной любовью, и по вечерам, после своего выступления, во время которого мать сидела в кассе, он брал родительницу на плечо и относил ее домой. Есенин рассказывал мне об этом с восхищением: — У такого быка и такое нежное сердце! Ему за это многое можно простить!

Н. Вержбицкий. *Встречи с Есениным*. Тбилиси, 1961.

Эх, жизнь моя,
Улыбка девичья.
За Гольцшмита пьем
И за Галкевича.

Будет пуст стакан,
Как и жизнь пуста.
Прижимай, Муран,
Свой бокал к устам.

5 октября 1924
Баку

С. Есенин. *Полное собрание сочинений*. Т. V. М., 2002.

В 1926 – 27 годах про Гольцшмидта было написано, что он где-то в Белоруссии наделал много ерунды, т.е. соблазнял жен ответ. работников, внушал им всякие неподобающие речи насчет йогов и т.д., те в провинции его с удовольствием слушали, а потом он накрал у них много ценных вещей и куда-то исчез. Красивый был человек. Карьера его сногшибательна: он служил в «Люксе» мальчишкой на посылках, потом приехала какая-то очень богатая дама, которой он страшно понравился, и в конце концов он ее обокрал. Потом он начал из себя изображать йога, ходил зимой в одной сетке и с золотой ниточкой в волосах – такая бывает канитель елочная, и какая-то дама водила его на цепочке за руку по Кузнецкому. Потом он ходил и читал лекции о том, что надо питаться праной. У него было убеждение, что это действительно что-то съедобное, и он начал изготавливать какие-то пилюльки и говорить публике, что он больше ничего не ест. За ним публика стала следить и накрыла его в магазине, где он покупал колбасу, и хотела его бить, но побоялась, потому что он был очень сильный. Он действительно делал замечательные штуки. Я видела сама, как он разбивал невероятно тяжелые доски о голову. Наверное, голова была очень крепкая. Здоровые табуретки разбивал. У меня всегда от него было такое впечатление, что это какая-то жвачная корова, такое выражение у него было – человек совсем без нервов. Я как-то у него была в «Люксе». Меня интересовало, что же у него там такое. У него стоял там алтарь, покрытый черным бархатом, там он какие-то моления возносил.

Воспоминания Екатерины Тимофеевны Барковой о В. В. Маяковском. *Маяковский продолжается. Сборник научных статей и публикаций архивных материалов.* Вып. 2. М., 2009.

Источники

Газетные и журнальные статьи и отчеты о выступлениях В. Гольцшмидта приводятся, в основном, по фундаментальной работе А. Крусанова *Русский авангард. 1907 - 1932. Исторический обзор*. Т. II. Кн. 2. *Футуристическая революция. 1917 – 1921* (М., 2003), без которой достоверно восстановить историю русского футуризма было бы невозможно.

Фрагмент из статьи В. Каменского приведен по кн. Е. Бобринской *Футуризм* (М., 2000). Статьи В. Королевича и А. Толстого цитируются по кн. Е. Толстой «*Деготь или мед*». *Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель. 1917-1923* (М., 2006). Выдержки из воспоминаний Н. Захарова-Мэнского приводятся по ценнейшей сетевой [публикации](#) lucas_v_leuден в *Живом журнале*. Устные мемуары Д. Егорова приводятся по сетевой [публикации](#) Д. Радзишевского в *Русском журнале*. Фот. В. Каменского и В. Гольцшмидта публикуется по изд.: Каменский В. *Танго с коровами. Степан Разин. Звучаль веснянки. Путь энтузиаста* (М., 1990). Фот. Н. Гущина и Н. Гущиной – с [сайта](#) Art59. Воспоминания Е. Барковой цитируются по публикации Е. А. Снегиревой.

В предисловии, помимо означенных выше или указанных в тексте, цитируются следующие изд. и материалы: *Поэзия русского футуризма*. Вступ. статья В. Н. Альфонсова. Сост. и подг. текста В. Н. Альфонсова и С.Р. Красицкого. Персональные справки-портр. и прим. С.Р. Красицкого. (СПб., 1999) – (Новая библиотека поэта); Марков В. Ф., *История русского футуризма* (СПб., 2000); Зонтаг Сьюзен. «Заметки о кэмпе». *Мысль как страсть. Избранные эссе 1960-70-х годов*. (М., 1997) – пер. частично наш по изд. Sontag Susan, *Against Interpretation and Other Essays*. (N.Y., 1966); Мясоедов И. «Манифест о наготe». *Нагота на сцене* (СПб., 1911); Beuys Joseph. *Jeder Mensch ein Künstler. Gespräche auf der documenta 5/1972* (Berlin, 1988).

Оглавление

Н. Андерсон. Авангард как тело и представление: Случай Гольцшмидта	6
Послания Владимира жизни с пути к истине	10
«Пускай алонежные лепестки...»	11
Моя мираоснова	12
«Шумы города...»	14
«Ниночке голубой...»	17
Три совета	18
Наташе Гущиной	20
О радости жизни	21
Похороны моей любви	23
«Почему очень немногие люди...»	25
Сердце Эльзы – Эльзы сердце	27
Мой гимн	29
Несколько слов о искусстве и о живой красоте	31
Памятник Владимира жизни поставленный собственно ручно в г. Москве 12 апреля 1918 г.	34
«Часто до противности и надоедания...»	35
Тост Владимиру жизни произнесенный 27 мая 1919 г.	37
«Борьба за существование!»	38
Последняя вера Влади-мира в Миру	40
«Человечится малая букашка...»	41
«Мои достижения...»	42
Изданное в печати Владимиром Гольцшмидт	43
 К о м м е н т а р и	 39
 Владимир Гольцшмидт в мемуарах и критике	 51
 Источники	 82
 Книги издательства Salamandra P.V.V.	 84

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полицией и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Райские цветы, помещенные в семи цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга новой серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Роман Шмараков. Под буковым кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» - таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.